

ЦИРК

Типография Ирины Гудым

Современная

Николовская

проза

Сергей Гаврилов

ЦИРК

Сергей Гаврилов

ЦИРК

Повесть

Николасев
2004

ББК 84(4УКР-РОС)6 - 4
УДК 821.161.2
Г12

Г12 Гаврилов Сергей Иванович
Цирк: Повесть. - Николаев: Издательство ЧП Гудым И.А.; 2004. -
102 с.

ISBN 966-8592-01-8

Иллюстрации художника
Михаила Кузьминых

© С. Гаврилов, 2004
© М. Кузьминых, иллюстрации, 2004
© Издательство ЧП Гудым И.А., 2004

ВЕСЬ ВЕЧЕР НА МАНЕЖЕ

Цирк - искусство народное. Диаметр арены - 13 метров - наиболее удобный для бегущих по кругу лошадей. Тренируют их на корде. Это такая верёвка. Она крепится к удилам. Дрессировщик - в центре арены. Корд и хлыст - инструменты. Лошадь бежит по кругу и думает, что делает работу.

Эта небольшая книжка не о цирковом искусстве. Цирк - метафора нашей жизни. Акробаты-эквилибристи, жонглёры, эксцентрики и клоуны - мы все. И ещё лошади. О дрессировщиках автор не упоминает. И правильно. Им в искусстве не место.

«Цирк» - повесть о жизни. Не провинциальной. О жизни, что была тысячелетия назад. О жизни, что была полтора-сто лет назад. И о той, что идёт сейчас. О жизни не в пространстве, а во времени. Печальное ощущение того, что люди не меняются, снимается мягким юмором и самоиронией автора. А на иронию по отношению к миру имеет право только тот, кто прежде всего ироничен по отношению к самому себе.

В современной жизни настоящая литература - редкость. Вы держите в руках настоящую книжку. Пусть она заставит вас задуматься.

С. Галушкин.

Воспоминания директора Николаевского цирка

Прожил 43 года и не подозревал, что существует параллельный мир - мир Николаевского цирка. Собственно говоря, это не мир Николаевского цирка, - это мир Виталика Орлова.

Самого цирка нет в природе. Есть заасфальтированная площадка в полтора гектара, платный туалет. Все это напротив автовокзала. Кстати, за 25 копеек можно комфортно пописать. Есть камеры хранения, штабной вагончик. Есть, по словам Орлова, «персонажи» - грузчики. Это устоявшийся коллектив. Все насквозь разведенные, честные и богемные (к ним ходят тетки из университета культуры).

Раза четыре в год приезжает цирк шапито. Начинают орать верблюды, актрисочки в соблазнительных трико, разнаряженные в цирковые костюмы и зеленые жабо кобели обнюхивают нашу Жульку.

- Корабелу нужно зрелищ,- говорит Орлов.

Ему скучно, когда нет цирка. Он редко приезжает на площадку пообщаться с «персонажами», покурить, поозираться, накатить сотку-другую, и опять к себе домой на площадь Победы.

Он мне говорит: «Сергея, этот гребаный асфальт без шатра навеивает тоску. Это как налоговый инспектор. Нужно вроде как и переспать, а можно и обойтись».

Орлов много пьет. Он в системе. Два-два с половиной литра в день. По 50 грамм. Цок-цок. Цок-цок.

Рост метр девяносто. Вес - сто пятьдесят килограммов. Вечно небрит - под «нового русского». Я люблю Орлова, и эта книга о нем.

Штабной вагончик

Опять меня выгнала жена. Она и раньше меня выгоняла, раза три или четыре, точно не помню.

На сей раз доигрался уже прочно. Вернее, допился. Она хорошая и терпели-

вая, но всему есть предел. В пьяном виде я не подарок - «злой татарин», одним словом.

Как сейчас помню, 11 сентября разбомбили «Рокфеллер-центр» в Нью-Йорке, а 12 сентября она, наконец, меня выгнала.

В сентябре ночи теплые. Первая прошла на скамейке на 13-й линии во дворе. Родственников в Николаеве нет. Похмельный синдром наутро не дал осознать трагизм и безысходность ситуации.

Нет работы, нету крова. Денег, кстати, тоже нет. В кармане пиджака две измятые сигареточки «Арбат».

Бреду в утреннем тумане по Космонавтов, мимо «Космоса» в сторону площади Победы. За спиной три брака, двое детей, отсутствие недвижимости, - «персонаж», как скажет потом Орлов.

На 12-й Продольной в кафешке жарят шашлыки. Народ с утра разговляется по маленькой - цок-цок, цок-цок. Бездомные собаки обступили мангал и греются на утреннем солнышке.

Я тоже «собака» - по гороскопу, и тоже бездомный, поэтому останавливаюсь перекурить. Со спины в ладонь кто-то тычется мокрым носом. И бодает головой в задницу. Это Мамай. Здоровый черный терьер - орловская собака. «Родственников», как говорит Орлов, ведь я наполовину татарин.

В пляжных шлепанцах и вылинявших шортах, с собачьим поводком, не обращая внимания на машины, дорогу переходит Орлов.

И шашлыки, и заветные 100 грамм сразу становятся реальностью.

- Привет.

- Привет. Что-то ты сегодня на чеченского террориста похож. Тебе надо бриться каждое утро.

- Тебе тоже.

- Мне нельзя. Я со щетиной родился. Сотку потянешь?

- Как же много времени тебе надо, чтобы задать правильный вопрос.

С этой ленивой перепалкой заходим в «Украиночку».

- Два по сто.

Мамай лает.

- Успокойся, придунок... И котлету в тесте.

Мамай ложится.

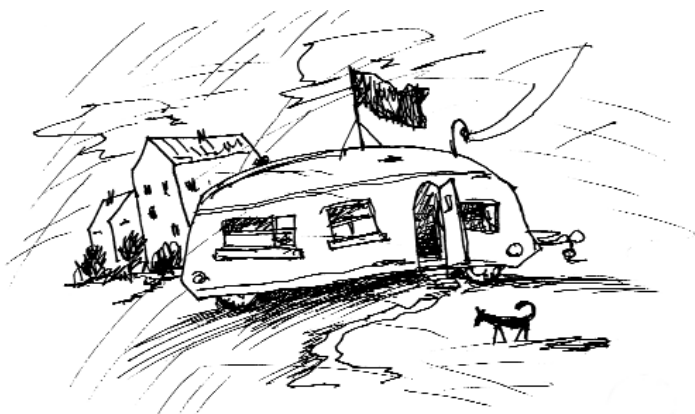
- Не знаю, Серега, куда в него только лезет. 9 лет, уже старик, надо о душе думать. А он жрет, жрет, жрет... Ну, со свиданьем!

Мы выпили. Мамай закусил.

- А теперь рассказывай, Серега.

Так я обрел жилье, друзей, работу и вообще целый мир.

Мир Николаевского цирка

Штабной вагончик - это прицеп на колёсах. Камеры спущены, резина в безнадёжном состоянии. Внутри две перегородки делят сооружение на прихожую, столовую (приёмную директора) и спальню. Есть холодильник, телефон, стол, стулья, плитка и кровать. Все остальные удобства на улице.

- Поживешь здесь. Нормально?

Я огляделся. Под столом четыре пустые бутылки, пластмассовые стаканчики, остатки закуски недельной давности. На стенах афиши Успенской и Меладзе - «Виталику с любовью», «Виталику с уважением». Посредине стола исписанный лист бумаги с длинной «пулей».

- Ленинградка?

- Сочинка. Кстати, пишешь?

- Конечно.

- Тогда подожди, я сейчас, - Орлов выскочил из вагончика и через минуту вернулся с каким-то мужиком.

- Это Серега - археолог и татарин, - ткнул он в меня пальцем. - Это Володя. Давайте быстренько двадцатку, и на расходняк.

Роздали карты.

- Пас.

- Пас.

- Семь первых. Два паса в прикупе чудеса. - Орлов снимает телефонную трубку. - Витя, две бутылочки и покушать.

Двадцатка плавно перешла в тридцатку, затем в полтинник. Разошлись в пять утра. Вернее, Орлов с Володей ушли, а я остался в вагончике досыпать свою первую ночь в цирке.

История

Вообще-то я археолог и историк. Но больше историк, поэтому, когда не пьян, смотрю на мир отстраненно. Такое ощущение, что я уже видел это всё. Видел этот цирк в незапамятные времена. Те же слова. Мотивация поступков та же. Всё знакомо. Это ощущение я отнес на спасительную генетику. Может быть, кто-то из предков когда-то, в средневековье, бродил с трупой циркачей. Может быть... Может быть...

Три дня меня никто не трогал.

Орлов был занят своими бизнесовыми делами. Водка ему совершенно не мешает «решать вопросы». Вообще он, в отличие от простых смертных, не пьянеет. Водка для него вроде как специя к хорошему блюду.

За три дня успел оглядеться по сторонам. Торговки с «Колоса» исправно забирали и оставляли товар в камерах хранения. Грузчики... Цок-цок, цок-цок. Хорошие ребята. Тётки у них тоже хорошие. По вечерам - дискотека. Здорово!

Точно, всё уже было в жизни. Я не стал сильно комплексовать по этому поводу. Когда-то с родителями был в Ленинграде, ещё совсем малышом, - это они мне потом рассказывали. На Обводном канале, зайдя в какой-то двор, я уверенно заявил, что внутри арки находится фонтан с голубем. Мама улыбнулась, вошла во двор и вскоре помахала нам рукой из арки. Действительно, внутри двора находился давно не работающий фонтан с мраморным ангелочком, который в руках держал голубя.

Так что, как православный татарин, я верю в реинкарнацию.

На следующий день Орлова тоже не было. Я заскучал. Оказывается, плохо получать деньги только за то, что ты Серёжа Гаврилов. Попёрся в «Гмырёвку». Николаевская публичная библиотека совсем тоскливая. Ни буфета, ни холлов для курения. Всё против корабела. В «Салтыковке», «ОНИОНЕ», «Вернадского» неизмеримо комфортней.

Порылся в каталогах - ничего о цирке. Пошел в краеведческий отдел - тоже голяк.

Пришлось тащиться к своей старой подруге в областной архив. Архив, как всегда, завораживает. Куча сведений по культуре закрытого города, но о цирке только косвенные данные.

В 1854 году бродячую труппу циркачей из Крыма не пустили в Николаев через Херсонскую заставу. Мотивировка - в городе полно раненных, и вообще не время для веселья.

В 1868 году, во времена Глазенапа, вообще был произведён знаковый поступок со стороны губернатора. Бродячую труппу пустили в город, и она две недели отработала на своих «харчах». Затем губернатор вызвал антрепренёра и попросил к 50-летию морского офицерского собрания дать четыре представления городу за счёт морского ведомства.

Дали. Но губернатор отказался заплатить, а градоначальник, соответственно, быстренько выпер труппу из города.

Голодные медведи, четыре львицы - тоже не совсем сытые, покатали в повозках на Херсон. Скормили по дороге всех голубей (дрессированных!). Скормили двух пуделей, тоже не диких. Кто сейчас вспомнит об этих обидах? Хищники не могут работать голодными.

Из российской истории известны случаи, когда артисты падали в голодный обморок, но сытые хищники работали в шапито.

Потом - большой перерыв во времени.

Зато потом, в полицейском архиве... Ха-ха-ха! Украли штаны у дирижера оркестра передвижного шапито. Это в 1889 году. Всё было честно. Предварительное следствие. Опрос свидетелей. Штаны пропали! Царство им небесное. Зато сохранилась фамилия дирижёра - Финкельштейн. Вот несчастье какое. А я-то думаю, почему Орлов их так не любит? «Это не расовое, - объясняет он, - это профессиональное».

Затем в 1898 году «цыганское» дело. Приехал в Николаев шикарный цирк. Свой шатёр. Программа на два часа. Хищники, джигитовка, акробаты на качелях и даже... иллюзионисты и ковёрные. Неделю отработали, а потом на Старом Водопое пропало восемь коров. Пристав, естественно, быстро разобрался, куда пошла говядина. Конфисковали шатёр, трапедии, повозки, запас кормов. Всё пошло в покрытие ущерба пострадавшим. Почему назвали дело «цыганским»? Потому что с медведями традиционно лучше всех работали цыгане.

«Конечно, цыгане, не евреи же», - говорит Орлов. И, кстати, прав. С медведями евреи не работали.

А дальше дурдом. В совдепии цирк в привычном понимании исчезает. Акробаты задействованы в демонстрациях. Животные участвуют в примитивных представлениях с классовой окраской. Зато силовые акробаты оформляются в автономный жанр (со всей дури молотят по мировой гидре...). А если серьёзно, то в 1928 году Укргосцирк прислал план гастролей передвижных шапито на 1929 год, но из-за секретного характера планируемых заказов на судостроительных заводах Николаева - в гастролях ему отказано. Вот так. Вот так.

- Жиды! - тычет мне Орлов архивными ксерокопиями. - Смотри, одни жиды.

Троцкие, Володарские, Свердловы. Кому из них цирк нужен!

- Успокойся. При чем здесь цирк? - лениво увещаю я его. - Им тогда не до цирка было.

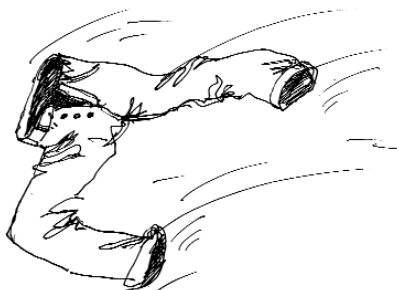
- Всё равно скотство. Оставить город без цирка. Жиды!

- Успокойся, - хватаю его за руку, - они ещё не разработали тогда сценарий гастролей.

- А-а-а, скоты, - хлопает Орлов по столу рукой. - Расстроил ты меня, Серёга.

Цок-цок, цок-цок.

Аккерман

Наконец-то я завыл от безделья.

- Что ты истерического даёшь? - уставился на меня Орлов. - Что ты умеешь в этой жизни делать?

- Что-что! Копать умею и писать.

- Писать или писать, - ехидно переспросил он, - писака хренов. Что с тобой делать?

- Давай копать, - робко предложил я.

- Хм. А где?

- Ну, хотя бы в твоём Аккермане. Там начинается скифо-фракийский пояс.

Э-э-эх! Зря я ему это сказал. Орлов ничего не делает наполовину. Если «упрётся рогом», то самый фантастический проект внезапно становится реальностью на расстоянии вытянутой руки.

В □ Мерседесе □

- Виталик, ты бизнесмен?
- Ну и что?

- Какого чёрта бухать деньги неизвестно во что?
- Ты, Серёга, живёшь прямой кишкой, - Орлов затянулся сигаретой. - Я с детства примерный мальчик со скрипочкой. Убегал со школы. Бродил по старой Тире. Находил монеты, керамику, и, знаешь, что сделал в 13 лет?

- Что?
- Сдал всю свою коллекцию в краеведческий музей.
- Зачем?
- Ты будешь смеяться, - Орлов подозрительно смотрит на меня, - я патриот родного края.
- Хм. Патриот. А бизнесмен? - я чувствую его искренность и подавляю глумливый тон.

Орлов пристально разглядывает меня. Он никогда никого не задирует, но пристальный взгляд - это свидетельство того, что речь идет о принципиальных вещах.

- У тебя когда-нибудь была родина?

Я задумался. Папа мой - сначала майор, потом полковник, потом генерал-майор. География военных гарнизонов, кочевая жизнь на чемоданах. Пятнадцать школ за шесть лет. Сержант, который сначала забирает из садика (круглосуточного!), затем старлей, который довозит на УАЗике со школы. Гарнизонные нравы, усталость матери. Разводы запрещены, как в Ватикане.

- Была, наверное, но какая-то странная.

- Это какая-то странная? - ехидно осведомляется Орлов.

Я не хочу ему рассказывать про своё кочевое детство и лениво отмахиваюсь рукой.

- А у меня есть родина, - горячится он. - И она здесь, в Аккермане!

- Да успокойся ты. Давай, за твою Родину.

Цок-цок, цок-цок.

Аккерман. Хм. Это Орлов его так называет. На самом деле, это районный центр Одесской области, город Белгород-Днестровский. Старые дореволюционные дома. Это Бессарабия. Совдепия здесь была всего 45 лет. В жителях, соответственно, силен дух индивидуализма. Зарплаты тут давно не ждут - её отработывают. Куча кафешек, ресторанов. Живая музыка. Здорово!

На южной окраине античная Тира и собственно турецкая крепость Аккерман. В стенах застрявшие пушечные ядра - трагизм турецкого поражения, обезличенный гений Суворова.

- Суворов не брал Аккерман, - оборачивается ко мне Орлов.

- Брал.

- А вот и не брал, - он довольно потирает руки.

Я сразу вспоминаю рассказ Шукшина «Срезал» и начинаю сомневаться.

- Ну, он лично не брал, но его армия брала.

- Да ты, батенька, ничего не зна-а-ешь! - и Орлов начинает мне докладывать историю родного края.

Цок-цок, цок-цок.

Рассказывает очень образно. Гайдуки. Молдавские господа сменяют друг друга, и, в конце концов, оказывается, что «...Остапа Бендера румынские пограничники поймали вон в тех плавнях...».

- Вообще-то здесь был коридор, - Орлов скребёт пальцами шетину, - дворяне из России бежали через Аккерман в Румынию. В 20-е годы здесь промышляло много бандитов. Они грабили бедолаг, а убиенных прикапывали в курганах.

- Боже мой, как романтично, - я начинаю нервничать. - Хватит краеведения, давай поговорим о главном.

- Нет, Серёга, ты послушай, - Орлов спрятал в бардачок бутылку «Первака». Вон видишь зелёные купола?

- Ну...

- Это церковь, где венчался Микола Джеря.

Я профан в украинской литературе и не знаю, кто такой Микола Джеря, однако глубокомысленно помалкиваю.

- Это у него здесь не состоялась любовь, - Орлов возбуждён, глаза его непривычно блестят. - Тут есть и улица Миколы Джери, и переулок Миколы Джери...

Краеведческая лекция прерывается. Паланка. Аусвайс-контроль. Молдав-

ские пограничники. Сытые, расхристанные, проверяют документы.

- У тебя есть какие-нибудь квитанции? - обращается Орлов.

- Есть, - в кармане у меня давно просроченное удостоверение научного сотрудника Николаевского краеведческого музея.

- Сколько раз я тебе говорил бриться по утрам, - ворчит он, - ты же на полевого командира похож.

- Кочумай. У тебя, что, полный багажник героина?

Молдаване лениво пропускают нашу хорошую машину без досмотра.

Мы опять на Украине. Цок-цок, цок-цок.

Аккерман-2

Аккерман. Ленивое очарование. Аромат буджакской степи. Дома в псевдомавританском стиле. Ухоженные сады и виноградники. Шабское вино.

Винзавод и знаменитые виноградники выкупила какая-то румынская фирма. Все довольны. Рабочие места, приличный заработок и всё такое...

Родительский дом Орлова на самой окраине. Это уже не город, а примыкающее к нему село Выпасное.

Аккуратный дом «под шубой», чистый двор, сад и шесть соток виноградника. Рядом с домом громадная ель - ствол в обхват.

- Ей столько же лет, сколько мне, - замечает Орлов, срывая гронку винограда, который плотно заплёл беседку. - Отец её посадил в год моего рождения. Он из Владимирской губернии. Скучал по ёлкам.

Мама Виталика, Оксана Андреевна, накрывает стол во дворе. Помидоры, салатный перец, толстые ломти брынзы, чеснок и дымящаяся картошка - картину завершает жареная курица и графинчик красного вина. Бессарабская пища. Здорово!

Бессарабская пища

Бессарабская пища достойна отдельного разговора.

Позднее, когда я разнакомлюсь с местным народом, она будет сопровождать меня повсюду.

Например, идём мы на курган. Утро раннее. В руках планшеты, рейка, фото-

аппарат, рулон бумаги и всё такое. Проходим по улице мимо раскрытого гаража.

- Привет, Андрюха!

Андрюха - в смотровой яме под стареньким «жигулёнком». Руки по локоть в

масле.

- Привет, мужики.

- По стаканчику, Андрюха?

- Нема пытань,- он выкладывает на край ямы ящик с инструментами. - Света-а-а! Налей хлопцам стаканчик.

Появляется Света через минуту(!). В руках большой графин вина, поднос с крупными кусками вареного мяса и брынзы, следом маленькая дочка с домашним хлебом. («...Хлопцы, щас помидор принесу...»).

Андрюха вылезает из ямы и, оттопыривая солидолные ладони в стороны, пьёт из моих рук шабское вино.

- Ну, давайте, я сейчас рулевую тягу подтяну, и поп...дим.

Однако мы уже не глупые и знаем, что раньше чем к обеду он не вылезет. Идём дальше.

А дальше опять бессарабская пища. Здорово!

История

К цирку, к актёрам, к их работе отношение в Николаеве всегда было двойственное. Хочется сказать - жлобское, но это будет слишком современно.

В Европе где-то там, у Кальмана - офицерики за кулисы носят актрисочкам цветы, шампанское и всё такое. В Николаеве - не так. В Николаеве все жестоко. Здесь нет романтической влюбленности, здесь серая провинциальная правда жизни и... ханжество.

В 1891 году прибыла в город итальянская труппа. Насколько она была итальянская, - неизвестно, но фамилия антрепренёра - Арлетти. Воздушные акробатики, батут, акробаты на шестах, канатоходцы. Сильная труппа. Работали две недели. Переаншлаг. Полные сборы.

В партере - одни офицерики и нижние флотские чины. Билеты дорогие. Музыка. Захватывающие трюки. Красивое женское тело. Ну не могут акробатки работать в чепчике и закрытом платье классной дамы. А зря...

Женская депутация обратилась к градоначальнику с настоятельным требованием запретить представления итальянцев, потому что они «...имеют пагубное влияние на молодёжь и растлевают(!) нравственность обывателей...».

- Нравственность нельзя растлить, - глубокомысленно замечает Орлов, - тем более нравственность обывателя. Где ты видел нравственность обывателя? Ты мне ещё расскажи об эстетизме чиновничков из управления культуры.

- Да подожди ты, - перебиваю я его, - слушай, что дальше было.

- Нет, Серёга, это, знаешь, как в анекдоте про эстетов: «Звонок в управление культуры. «Это прачечная?» - «Хреначечная. Это Управление культуры!». Это надо же такое придумать! Растлевать нравственность обывателя! - Орлов закуривает. - Ну что там дальше?

Я перекладываю архивные ксерокопии на столе. Дальше. А дальше совсем уже интересно. Совсем по-николаевски. Резолюция градоначальника: «Запретить представление труппы... покинуть город в 24 часа».

Ан, нет! Градоначальник градоначальником, а за циркачей заступились офицерики. Шапито, оказывается, стоит на землях морского ведомства. Есть контракт и всё-такое. Кто будет платить неустойку? Идет нудная распря на пяти страницах. В конце концов, «нравственность обывателя» победила. Выперли итальянцев из города.

- Эти недотраханнные женские депутатции кого угодно в могилу загонят. - Орлов идет к холодильнику.

Цок-цок, цок-цок.

Мы с Виталиком сидим в вагончике. За окном бабье лето. Тишина. Понедельник, и рынок не работает. Беременная Жулька лениво поглядывает на голубей.

- Ну что там дальше? - требует Орлов.

- Что дальше, что дальше... Дальше опять трагедия.

В 1900 году в Николаев приехала труппа из Черкасс. Так себе. Ничего особен-

ного. Тощие обезьяны, пара медведей, силовые акробаты. Гвоздь программы - женщина с хлыстом. Смертельный номер. Вызывается желающий из публики, на голову кладётся яблоко, и она ударом хлыста снимает его.

- Вильгельм Телль, - кивает Орлов, - а где трагедия?

- Подожди, не перебивай. Работают они день-два, а затем... Видать, у них не было подсадных уток. Действительно, вызывали на «смертельный номер» всех желающих.

- Сумасшедших с бритвой.

- Подожди. Выходит один гимназист повыпендриваться на народе и... она хлыстом отрывает ему ухо. Крик. Кровища по всему манежу. Представление сорвано. Девочку, которая работает с хлыстом, - в участок. Вот исковое заявление родителей. Короче, девочка сидит, труппа работает без «смертельного номера», сборы падают. Однако до суда дело не доходит. Гимназист уходит с трупой из города.

- Ага. А девочка беременная, - ехидно замечает Орлов.

- Откуда ты знаешь?

- Поработай с моё в цирке - не то узнаешь. А где трагедия?

- Трагедия-трагедия... А тебе непременно, чтобы смерть была? Родители растили, растили, обучали, обучали. Думали, станет сынок инженером, адвокатом. Планы строили на него. А он в циркачи подался...

- Ну и что? Разве плохо? Инженеров подневольных - два вагона. Вон, любая торговка с «Колоса» тебе инженерным дипломом ткнёт. А артистов единицы. Ну, что там дальше?

Цок-цок, цок-цок.

Аккерман-3

Мы живём у мамы Виталика Оксаны Андреевны. Мы - это я и старший брат Орлова - Володя. Оксана Андреевна в прошлом учительница украинского языка, завуч школы. Строгая женщина, и вина нам лишнего из погреба не наливает. По утрам ездит в Одессу торговать на Привозе («делать базар») разной зеленью:

салатом, укропом и все такое.

Мы с Вовой тыняемся по двору. Опять болит голова. Никак не можем приспособиться к шабскому вину.

- Она, Серёга, очень изобретательно прячет ключ от погреба, - Володя поддевает пальцем простенький навесной замок, - всё время в разные места. Никакого постоянства.

- А ты в ящиках смотрел?

- Да смотрел.

- А в собачьей будке?

- Она в прошлый раз там прятала.

- Ещё посмотри.

Володя выгоняет из будки Каштанку и перетряхивает её подстилку.

- Никакого постоянства.

Экспедиционные деньги у нас закончились вчера. Благодетель Орлов придет только через неделю. Дело дрянь. Нельзя с такой башкой идти на раскоп, да и завтрак не лезет.

- Может, у соседей под запись возьмём? - робко предлагаю я.

- Мы уже торчим там тридцатку, - жестко обрывает Вова.

Каштанка мокрым носом уткнулась мне в колени. Маленькая рыжая ласковая собачка на большой тяжелой цепи. Сразу вспоминаю громадного Мамаю, который нигде не спит, кроме как на хозяйской кровати.

- Надо посмотреть в карманах, - задумчиво произносит Володя, оглядывая множество рабочих халатов Оксаны Андреевны, развешанных на гвоздях под навесом.

- Ты, что, будешь по карманам лазить?! - возмущен я. Но мне очень хочется, чтобы он полазил.

- Не по всем, - Вова идет в дом и появляется оттуда с металлоискателем. Его контур скользит по карманам. Через минуту спасительный писк в наушниках возвещает о достигнутой цели.

- Вот они!

В руках у нас ключи от погреба. Жизнь налаживается! Здорово!

Мы копаем три кургана на северной околице села Выпасное. Самая высокая точка в окрестностях. Прекрасный вид на Днестровский лиман. На той стороне Овидиополь и Роксоланы. Античные места, седая древность. Вокруг виноградники и ухоженные дома.

Работа неспешная. Десяток рабочих из местных хлопцев снимают курганный насыпь. Володя чистит щёткой костяки, я рисую и фотографирую. Всё отлажено. Голова к середине дня уже не болит.

Володя вылезает из ямы. Закуривает.

- Пойди посмотри, - кивает он в глубину раскопа.

- Что такое?

- Пойди и посмотри!

- Потом, - мне не хочется отрываться от созерцания лимана и виноградников. Хлопцы успели сгонять в село за бурканом* вина и всюю кучкуются возле него. Надеюсь, что мне тоже нальют...

- Нет, ты посмотри, - настаивает Вова.

Проклиная всю археологию, я опускаюсь в погребение. Костяк как костяк. Никакого инвентаря. Ориентация восток-запад. Всё нормально, ничего особенного. Хорошо иметь дело с покойниками. Они не склочны, не завистливы, не кланчат у тебя последнюю сигарету и не вырывают стакан вина из рук...

- Ну и что? - злюсь я из ямы.

- На череп смотри.

Внимательно рассматриваю череп. Ничего особенного. Взрослый мужчина. Европеоид. Зубы... зубы все. Смотрю на зубы. Ах, вон оно что! Прав был Орлов. Левый третий зуб запломбирован. Убиенный дворянин. Бандитская Бессарабия.

Царство небесное, вечный покой рабу божьему. Помянем.

Цок-цок, цок-цок. Мы перезахораниваем останки неизвестного в отдельную яму.

- А почему ты считаешь его дворянином? - Володя закусывает яблоком и выливает остатки вина на могильный холмик.

- Обязательно дворянином и председателем аккерманского общества трезвости. За это его и убили.

Мне не хочется отвечать на банальные вопросы. Собираю инструменты, складываю в планшет чертежи. Надо двигаться домой на ужин. Ещё один день прошел. Цок-цок.

Гражданин Израиля

Задождало. В дождь работать нельзя. Приехал Орлов и забирает нас с Вовой в Николаев на три дня. «Помыться», «на девочек посмотреть».

---

*Буркан - так в Бессарабии называют обыкновенную полиэтиленовую бутылку с вином.

Мне не хочется уезжать из Аккермана. Даже в дождь он очарователен. Светлое место. Закат осени. Виноградники желтые, свадьбы в селе. Цок-цок, цок-цок.

Я тыняюсь по двору. Виталик с Вовой загружают в багажник ящики с яблоками, консервацией, какими-то экспедиционными тряпками.

- О, парень! Я смотрю, ты на бессарабское вино подсел, - оглядывается на меня Орлов.

- Другого ничего нету. Может, я не поеду с вами?

- На, полечись от вина, - он протягивает мне бутылку «Первака».

- А стакан?

- Горниста дай. И быстрее, пока матушка не вышла.

Делаю из горлышка три больших глотка. В желудке теплеет. Ехать в Николаев всё-таки не хочется. Тяжёлый город. Какая-то хмурость, зашоренность. Тяжёлая аура. За 18 лет так и не смог к нему привыкнуть. Терпеть не могу военные гарнизоны.

- Хватит давать истерического, - Орлов захлопывает багажник. - Вова, налей ему, а то заплачет сейчас.

Мы пьём «на коня» уже в машине. Долго петляем по аккерманским улочкам.

- Вот моя музыкальная школа... А вот шахматный клуб, куда я ходил... - Орлов оборачивается. - Ты в шахматы играешь?

- Нет. Только в перетягивание каната, - я злюсь, мне не хочется уезжать из Аккермана. - Налей лучше.

Цок-цок, цок-цок.

Опять Паланка, опять аусвайс-контроль. Молдавский таможенник в мятых брюках. Долго вертит Володин паспорт. Вова успел выдуть полтора литра вина и спит на заднем сиденье. Нам с Орловым его уже не догнать.

Вова легендарная личность. Очень интересная судьба. Он гражданин Израиля, прожил там четыре года, развелся с женой и вернулся обратно. В паспорте - вид на жительство и временная виза до 2007 года. Пока молдавский пограничник вертит его паспорт на иврите, есть смысл рассказать о Вове подробнее.

Из родного Аккермана уехал в пятнадцать лет. Окончил в Одессе ТУ-2 по специальности - бармен-буфетчик, корабельный повар. Проработал десять лет в ЧМП. Сделал карьеру от подсобника до шеф-повара. Ходил на самых престижных пассажирских лайнерах - «Собинов», «Горький», на «Лермонтове» (пока тот не затонул). Работал шеф-поваром на «Михаиле Шолохове» и «Льве Толстом» («кормил» миллионеров). Был во всех портах, неплохо говорит по-английски. Все у него в жизни налаживалось. И вот в одно прекрасное время Вову переключивает. Он все бросает и едет в Москву. Несколько лет учится ремеслу в студии

известного скульптора-монументалиста. Затем обрывает собственными заказами и становится довольно обеспеченным человеком, способным на то, чтобы обзавестись на Тверской(!) личной студией, где есть и сауна, и бассейн. У него «пасется» вся московская артистическая и художественная богема. В ностальгических разговорах он называет их просто по именам... Миша, Славик, Лена.

Все было прекрасно. Черт его дернул ехать в Николаев. Вернее, не черт, а заказ на экстерьерное оформление торгового центра в Корабельном районе, напротив «Белой акации». Работу он, конечно, сделал. Но из Николаева не уехал. (Не город, прямо, а Бермуды какие-то.)

Женился Вова аж на целом третьем секретаре Корабельного райкома комсомола. Пошли дети, провинциальное безысходное пьянство. А под занавес перестройки в Вовиной благоверной заговорила дремавшая генетика. Зов крови. Перелетный инстинкт на историческую родину. Она быстренько оформила документы и, прихватив Вову с детьми, поехала в Израиль.

В Израиле он заскучал. Работы по душе нет. Климат не подходит. Обострилась язва. Жена из комсомольского лидера превратилась в ревностную хасидку («...Устав ВЛКСМ на тору променяла»), стала смотреть на него как на ущербного («...отвратительный гой»). Через четыре года, заплатив жене 7000 долларов отступных алиментов, Вова вернулся в Аккерман, затем переехал к брату в Николаев, где знакомый доктор быстренько вырезал его язву.

- На каком языке это написано? - возвращает меня к действительности таможенник, тыча Вовин паспорт.

- На родно-о-ом! - мычит очнувшийся в глубине машины Володя.

Молдаванин жестко и пристально разглядывает нашу компанию. Затем начинает жевать спичку, гоняя ее из угла в угол по толстым губам. Сплевывает и не спеша несет паспорт на КПП к своему начальнику.

- Ты! Мечта палестинского террориста! - шипит на него Орлов. - Хочешь, чтобы мы тут до утра торчали, пока они твои квитанции переводить будут?

- А какого черта их тут поставили, - бурчит Вова, - не знают язык - пусть идут кукурузу выращивать. Я не знаю молдавского и не выпендриваюсь. А они...

- Кочумай! - обрывает его Орлов.

Выходит таможенник и возвращает нам паспорт.

- Проезжайте.

У-у-уф! Мы опять на Украине. Здравствуй, родина! Цок-цок, цок-цок.

История

- Ты думаешь, я ненормальный? - Орлов рубит свиные ребра на разделочной доске.

Мы сидим у него дома. Виталик пригласил меня на солянку. Правда, сначала он нас с Володей спровадил в «Водолей», в сауну. Кстати, правильно сделал, ведь мы мылись в мелком корыте целый месяц. А затем пригласил.

Кухня-хрущевка. Шесть квадратов. Мамай «сидит на голове» и бодается во все стороны. («Пшел вон!»).

- Почему ненормальный? - я оглядываюсь на тополя в окне, которые еще не сбросили желтые листья.

Хрясть-хрясть. Звучит орловский топор, свиные ребра разлетаются по рецеп-

ту.

- Потому что я чувствую отношение...

- Ты комплексуешь.

- Черта с два. Ты меня держишь за придурка.

Я задумался. Музыканты - тонкоорганизованный народ. С ними надо общаться осторожно.

- Ты меня все время наблюдаешь.

Хрясть-хрясть.

- А у тебя нет здорового нарциссизма?

Орлов стал так быстро крошить картошку в «капусту», что я пугаюсь.

- Успокойся. Не ты первый, не ты последний придурок.

- А кто был до меня? В смысле, первый.

Я выдержал паузу... Был до Орлова такой же бессребреник. Причем это чисто николаевское явление.

- Если тебе станет легче, слушай про придурка.

Хрясть-хрясть.

- Был мещанин такой. Фамилии не сохранилось. Вот это был настоящий фанат. Совершенно помешан на цирке. Доходы его были невелики. Жена и двое детей. Жили на Рыбной. Дом в пять комнат. Дети-гимназисты: по 250 рублей в год за пансион на каждого. Заскучал парень. И не просто заскучал, а заболел...

- Что, аппетит потерял? - ехидно улыбается Орлов.

Хрясть-хрясть.

- Помолчи, это серьезно, - я лезу в свой дипломат за архивными копиями, потому что не помню конца истории. - Так вот, продал он свою скобяную лавку и купил двух пони.

- А почему не медведей?

- Потому что здесь так написано... - злуюсь я и тычу ему архивной копией.

Орлов в домашнем халате с кухонным топором наперевес. Запах маслин и свежеевыжатого лимона. (Боже, как долго это все готовится!).

- ...начал с двух пони, а потом оброс тиграми, львами, медведями. Приехал в Николаев с гастролями совсем «взрослый». Сборы у него в городе - потрясающие.

- А почему придурок?

- Потому что такой же, как ты. Кормил банду всяких дармоедов.

- Таких, как ты.

Хрясть-хрясть. (Но уже громче и нервней).

- У него, Виталик, куча приятелей в городе. На все свои сборы в Николаеве он повыкупил закладные на дома, землю и прочее имущество близких друзей, заплатил долги за дальних родственников и все такое. В общем, повезло кому-то с благодетелем.

- И что?

- Что-что. Остался безвестным, - одни легенды, - я перевожу дух и набираю полную грудь воздуха. - И ты будешь безвестным придурком.

- А мне наплевать. Что там дальше? - голос у Орлова спокойный и умиротворенный. Он не разозлился.

Мне уже не хочется беседы-беседовать. Меня уже тошнит от этого архивного маразма. Хочется выпить, хочется солянки.

- Давай дальше, - требует Орлов.

- В 1903 году... - все, предел! Мне плохо. - Налей.

Орлов вытирает руки. Солянка распространяет божественный запах.

- Я тебя закодирую. Вернешься к жене, появятся деньги и любовница.

Цок-цок, цок-цок.

- Давай дальше.

- В 1903 году - геноцид с животными.

- Как это? - поперхнулся Орлов пробной ложкой.

Дело в том, что он до самозабвения любит всяких тварей, особенно собак. Как-то раз при мне пришли к нему корейцы и предложили за каждого Жулькиного щенка по червонцу. Орлов, ни слова не говоря, сразу полез драться. Еле оттащили.

- Вот так. Молчи и слушай спокойно, - я перевожу дух. - 1902-1903 годы - тотальный неурожай. Крестьяне в городе взвинтили цены. В это время из Херсона приехала труппа. Ламы, два дикобраза, дрессированные свинки.

- Какие свинки?

- Ну, такие, полосатые. И самое главное, с чего всё началось, - это павлины и фазаны.

- А при чем фазаны?

- Это сейчас фазаны - гастрономия, а тогда это искусство. Их дрессировали.

- И что? Не томи, а то больше не налью.

Я лениво переворачиваю скучный отчет полицейского рапорта.

- 4 декабря 1902 года мастеровой Рубан прокрался в вольер с павлинами и фазанами и... открутил головы четырем павлинам и семи фазанам. Семья Рубана была счастлива целых 4 дня. Потом «кормильца» задержали.

- И что?

- Ничего. Выпустили. Павлины и фазаны по законодательству не попадали под статус животных. Если ты в селе давишь на машине сегодня курицу, тебе ничего не будет, а если гуся...

- Да, - чешет щетину Орлов, - гусь - это сурово.

- Рубан отделался легким испугом. Незначительным штрафом. А вот свиней постигла более печальная участь.

- Куда уж печальней, - Орлов лениво помешивает ложкой в кастрюле.

Солянка готова. Можно расставлять тарелки.

- Некто Клейман, председатель правления Первого перестраховочного общества, предложил по 300 рублей ассигнациями за каждую дрессированную свинью.

- И что?

- Директор продал.

- Ну, Серега, ты даёшь! Это ж не кошерная пища. Я жидов знаю, - Орлов режет хлеб, - они никогда не будут жрать в декабре некошерную пищу.

- Они не будут, но кто-то православный съест.

- У православных тоже пост в декабре. Таки продал? Дай посмотреть, - Орлов очень долго читает копию полицейского отчёта.

Хочется уже выпить, хочется солянки.

- М-да, никогда не любили цирк в Николаеве.

Цок-цок.

В "Мерседесе"

Дожди закончились. Мы опять едем в Аккерман. На Варваровском мосту выясняется, что забыли купить спиртное.

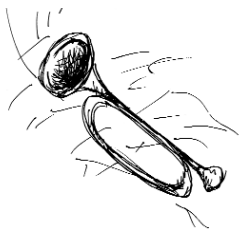
- Когда вы уже напьётесь? - Орлов останавливается у гастронома. - Я вас после экспедиции всех закодирую.

- Ты уже кодировал одного, - лениво вмешивается Володя.

- Да, Серега, был у меня в этой жизни печальный опыт. Очень занятная история, кстати. Работал лет пять назад при мне один шапитмейстер, хороший парень, бывший военный, но пить категорически не умел. Все время впадал в «штопор» на неделю. Начинал «русскую забаву» - жену по огороду гонять и все такое. Прибегает как-то утром его благоверная, валится в ноги: «Виталий Вячеславович, спасай! Делай что-нибудь!». В общем, уговорил я его на три месяца кодирнуться. И что ты думаешь? Через месяц она опять прибегает: «Давай все обратно, все назад...». Оказывается, нудный стал. Ходит по хате трезвый, с белым платочком, проверяет наличие пыли, чистоту, как старшина в казарме. Дочки в школе стали отличницами. Она как белка в колесе крутится по хате весь день, убирает, стирает, у плиты стоит, по-человечески. Представляешь, каторга какая! Зачеркивает в календаре дни крестиками, ждет окончания срока. Вот так вот.

Цок-цок, цок-цок..

Мы уже в Коблево. Останавливаемся на базарчике купить маринованных мидий. Ими удобно закусывать, и потому я клянчил их начиная с Нечаянного.

Выклянчил. Здорово! Цок-цок.

- А Василька нашего знаешь? - оборачивается ко мне Виталик.

Хм. Васильёк. Живописная личность. Персонаж. Работает у Орлова в цирке с незапамятных времен. Сварщик. Золотые руки. С железом умеет делать чудеса. Всегда пьян с утра. За три месяца я не помню его трезвым. Очень добродушный и беззлобный человек.

- Дак вот. Приезжает ко мне года четыре назад Газманов. Ходим мы с его

директором по моей сцене, шаги считаем. Ты же знаешь, он прыгает, когда поет. Кульбиты всякие, сальто, ну все такое. Выясняется, что сцена для Газманова маленькая. Надо достраивать. Вызываю Васю. У него, конечно же, ползарплаты уже в мешках. Даю ему денег, чтобы купил себе новый щиток и электроды, даю размер достроечного каркаса. И тут кто-то меня куда-то отвлекает. Не помню уже, по какому поводу. Прихожу в цирк вечером, а Вася... а Василек лежит. Все пропил, но флот не опозорил. Завтра утром приезжает Газманов, в два часа концерт. Представляешь, Серега?!

- Ну и что?

- Я ж истерического никогда не даю. Вызываю Шумилкина из охраны. Говорю ему: хоть чучелом, хоть тушкой, а сцена должна быть готова завтра. И ты знаешь, что сделал Шумилкин?

- Что?

- Приковал Василька наручниками и поставил в трех метрах от него бутылку водки: «каркас доваришь - похмелишься».

- Доварил?

- Доварил без щитка. Прикрывался ладонью, но до бутылки дошел.

- Фанатизм, - бурчу я.

- Это болезнь, Сережа. Если бы водка мешала работе - сидел бы на одной «Поляне квасовой».

Паланка.

- Вова. Вон твой приятель стоит, - смеется Орлов.

Действительно, стоит наш старый знакомый таможенник. Брюки опять измяты насквозь.

- Он уже выучил иврит? - мычит Вова из глубины машины.

- Кочумай! - обрывает его Орлов.

Мы крадемся мимо шлагбаума в веренице машин.

- Ши санатос!* - орет Вова из окна и машет пластмассовым стаканчиком пограничнику.

Молдаванин лениво смотрит на нас, отворачивается и сплевывает.

Привет, Бессарабия! Цок-цок.

Аккерман-4

Я несчастлив. У меня уже полтора месяца нет женщины.

- Давай возьмем тебе тетку, - предлагает Орлов, но меня клинит, и я опять

отказываюсь...

Вторую неделю стою на лопате, излечиваю себя от желания. Я как Челентано, который рубит дрова...

Орлов приезжает раз в неделю.

- Давай мы тебя помирим с женой. Что ей надо в этой жизни?

- Денег.

- Сколько?

- У тебя столько нет.

- Тогда давай купим тетку.

Кстати, лопата помогает. Через месяц эротические сны сменяются триллерами и ужасами, а потом вообще сумасшедшими кошмарами. Пальцы сгибаются только под стакан и черенок лопаты. Надо уже рисовать и фотографировать, но я боюсь уйти от физической работы. Лучше кошмары и триллеры...

Вова цинично молчит, наблюдая, как я выбрасываю грунт из трёхметровой ямы, хлопцы смотрят на меня, как на умалишенного, и почти не бегают в село за вином. Работа движется очень споро. Курган тает на глазах. Невесело.

Ну, наконец-то, - братья Диоскуры*.

Двойное погребение. Два костяка лежат, обнявшись друг с другом. Левое бедро одного закинута на тазовую кость другого.

- Ромео и Джульетта, - говорит Блинчик, самый образованный из всех рабочих.

- Голубые, - вытирает пот Макарон. Он бригадир, и к нему прислушиваются. Он самый продвинутый.

---

*Ши санатос (молдав.) - Ваше здоровье.

Все оборачиваются ко мне и ждут заключения... Из инвентаря только два убогих горшка и зернотерка. Я вылечился от своих эротических снов, и мне опять хочется выпить. Даю Блинчику денег на буркан вина, остальным читаю лекцию по древнегреческой мифологии о двойственной природе человека... Меня никто не понимает... Без вина не разобраться. Цок-цок. Цок-цок.

Хочу поселиться в Аккермане. Были б деньги - купил бы себе тут дом. Народ здесь своеобразный. Очень доверчивый и предсказуемый. Я чувствую себя на этой земле Миклухо-Маклаем.

- Это тебе только так кажется, - остужает меня Вова, - они все себе на уме.

Мы спускаемся с раскопа по улице Орджоникидзе. По дороге свадьба. Дом в псевдомавританском стиле, навес во дворе над столами. Молдавская «живая» музыка. Э-эх! Прощайте, эротические сны! Цок-цок.

- Дунайскую селедку нельзя покупать в Николаеве, - глубокомысленно заявляет мне Вова, - тебя все равно обманут и всучат тихоокеанскую. Ее надо покупать здесь и только весной.

Мы с Володей у Макарона в гостях. Он нас пригласил на раков. Днестровские раки - это песня! Они здоровые (больше ладони) и... синие. Совсем синие. Первый раз вижу таких раков.

- Это не мутанты? - робко интересуюсь я.

- Да. Это смесь румынского и украинского рака, - ехидно отвечает Макарон.

Мы сидим у него во дворе под старой абрикосой. На примитивном очаге висит эмалированное ведро, из которого торчат стебли укропа. Сейчас вода закипит.

Макарон - это родовая наследственная кличка. Был Макарон дед, был Макарон отец, будет Макарон внук. Зовут его Андрей. Худой, как черенок от лопаты (никакого целлюлита). Но дух!.. Но характер! Ему всего 23 года, однако к нему постоянно очередь. Надо, например, бабе Лиде угля, - к Макарону. У деда Саши афганцы покрали всех курей, - к Макарону. Сява посадил жену «на стакан», и дети голодные, - к Макарону. За Макароном как за каменной стеной.

Что-то в нем есть такое жертвенное. Читает с трудом, писать почти не умеет, зато хорошо считает... деньги. Культовая личность в селе. Живет для других. Повезло мне с ним.

---

*Греческая легенда о двух братьях Диоскурах, которые символизируют двойственную природу человека.

Ну наконец-то. Нашли центральное погребение. Вова расчищает огромное черное пятно. Надо опускаться еще метра на три. Цель близка. Конец веревки. Цок-цок.

В Аккермане вечеров нет. Ночь обрушивается сразу. Вот было светло и... сразу темень. Зато очень долгие и ленивые рассветы.

У Оксаны Андреевны куры ночуют не в курятнике, а на громадной развесистой шелковице. Два петуха начинают «отбивать склянки» с трех часов утра. Кур пытались воровать по весне из сарая, и поэтому они ночевать там боятся. Петухи достали. Мы пытаемся уговорить Оксану Андреевну, чтобы она их зарезала.

- Да вы что, хлопцы! Смотрите, сколько вдов будет, - кивает она на стадо курей.

Логично. Вдовый век короток.

История

- Серега! Я не знаю, что делать. Ты меня напрягаешь с работой, а я нервничаю. - Мы сидим на Намыве. На орловском причале. Якобы рыбачим. Поплавки недвижимы.

На мангале дымятся его фирменные шашлыки из ребрышек. Все бродячие кошки и собаки - наши. Орлов накануне их прикормил, и теперь они смотрят на нас преданными глазами. Брысь!

- Любовь и призвание - это основное, - Орлов раздувает своей щетиной угли. - Не будет хотя бы одного из этих компонентов - жизнь зря.

У меня клюет. Терпеливо жду, когда тарань зацепится.

- Без любви - дрова, - Орлов переворачивает шампуры. - Серега, а что у тебя есть про любовь? Или одни неприятности?

Я смотрю на реку. Октябрь. Чистая вода. Прощай, холера... Любовь. Я по ней скучаю, вернее, я по ней созрел.

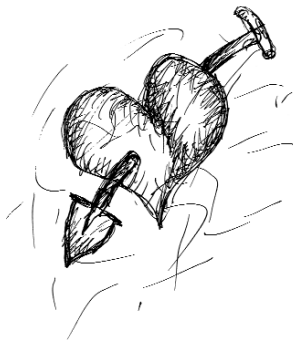
- Слушай, - Орлов закуривает.

Я направляюсь к его причалу (кузов от хлебозавода), беру свой дипломат. Там все архивные копии.

- Любовь? С любовью все в порядке. Где цирк - там любовь.

- Я не о сексе, - вытаскивает бычка Орлов.

- Я тоже. Я о любви.
- О чувствах, что ли?
- Нет, именно о любви. Любовь - это состояние.

Мне покойно. Река. Шашлыки. Спиртное. Можно беседы беседовать и о любви.

- Расскажи о состоянии, - требует Орлов.
  - Слушай и не доставай глупыми расспросами.
- Подходит бомж и просит сигарету. Орлов дает.
- В 1908 году приезжает труппа из Елисаветграда.
  - А сейчас это где?
  - Кировоград. Труппа очень универсальная. Есть хищники, есть акробаты, есть свой кордебалет, музыканты хорошие.
  - Это что, опять из полицейского отчета? - Орлов вытаскивает таранку. - Давай что-нибудь гражданское.
  - Нет, это из частного письма.
  - Частное письмо - это как замочная скважина.
  - Не перебивай. Гениальная труппа. Вроде ничего особенного, а сборы аховые. Народ прет. Переаншлаг.
  - Не может быть, - сматывает леску Виталик, - должно быть что-то особенное...
  - Есть особенное. Девочка с шестом на канате. Красивая... без целлюлита.
- Орлов смеется.
- Не смейся, действительно красивая. Известно, что ей всего 20 лет. Номер, кстати, дерьмо. Ничего особенного. Прошла по канату, посидела, полежала на проволоке и... ушла. Ничего особенного.
- У меня опять клует. Я замолкаю. Дурацкий азарт рыбака.

- А дальше? - требует Орлов. Он уже режет хлеб и помидоры.
- Дальше... Дальше нормально. Девочка очень красивая. В те времена красивых теток в Николаеве было мало, и возле нее все толпились. Частное письмо от друга к другу говорит о состоянии...
- Все, что ли?
- Ну не совсем все, но каждый по-своему. Однако, по Кальману, шампанское в гримерную не носили. Просто любили и все.
- Как любили?
- Ты пошляк. Не спали. Смотреть на нее любили. Есть женщины, на которых просто удобно смотреть.
- Ну и что?
- Николаев-Николаев! Досмотрелись. Уехала девочка раньше срока, достали сальные глаза...
- А где любовь? Где состояние?
- Цок-цок, цок-цок.

Его женщина

У Орлова один брак. Он как женился, так и несет свой крест. Двое детей - мальчик и девочка. Они почти взрослые, но уже особенные.

Люда - его жена. Эталон женщины для археолога.

- Я ее дрессировал, - бурчит Орлов и... и, конечно, врет.

Дрессура - это навязывание условных рефлексов. У Люды человеколюбие - генетика. Мы любим Люду. Она в «клюве» приносит нам зарплату. Однако дело не в деньгах. Дело в тех немногословных диалогах, которые сопровождают наши отношения. «Сережа, тебе надо срочно подстричься», «Вова, купи себе новую рубашку», «Витя, выходи из штопора». Мы все старые сироты. Её требовательная материнская интонация возвращает нас в золотое детство. Мы ее слушаемся.

Худая, невысокая, на первый взгляд, - среднестатистическая николаевская барышня, оказывается уникальной женщиной. Мы завидуем Орлову.

- А что ты думаешь, - отцепляет он Мамаю от поводка, - у меня не было проблем с ней? Знаешь, как я с ней познакомился?

- Как?

- Совсем случайно. Приезжаем на халтуру играть свадьбу. Ну, тетки толстые разодетые всякие. Ты же знаешь, как в Николаеве. Терпеть не могу толстых «в

наряде». Ну, разминаемся в кафешке, ля-минор, до-мажор, цок-цок. Скучно. Ни одной нормальной тетки. Все по Зощенко, сплошная карикатура. Не на кого

глаз бросить. Совсем уже заскучал. Невеста, кстати, тоже не подарок. Даем с Багинским французского Шарля Азнавура, Брассанса... *tomber la neige* и все такое. Вдруг, знаешь, как токомшибануло. Поднимаю глаза от клавиатуры. Входит женщина с каким-то мужиком. Я, конечно, сразу забыл про «Ямаху», и все оборвали партию. Тишина. Эти толстые тетки в танце застыли - ничего не пони-мают. Следят за моим взглядом. Входит Люда с каким-то мужиком. Багинский крутит пальцем у виска «поехали дальше...». А я не могу. «Это моя женщина», - говорю Багинскому.

- Ну и что? - заинтригованно перебиваю я.
- Ничего, - замыкается в себе Орлов.
- А мужик?
- Мужик, кстати, хороший парень. Сейчас где-то таксует в городе.

Мы прогуливаем Мамай по маршруту. Он никак не хочет гадить. Наконец возле Сортировки «созрел».

- Такого озарения, как на этой свадьбе, у меня никогда не было. Ты ж зна-ешь, какие мы все любители жениться. Это было откуда-то свыше.

Мамай наконец-то погадил. «Украиночка», котлета в тесте. Цок-цок, цок-цок. Мы пьём, Мамай закусывает.

Аккерман-5

- Расскажи мне еще что-нибудь про цирк, - Виталик сидит на краю глубокой ямы и лениво болтает шлепанцем.

Только что докопали центральное погребение. Грабленное. На северной стенке ямы в обход каменного заклада прослеживается грабительский ход. Перемешанные кости, битая керамика... «...Все украдено до нас...», - как любит выражаться Орлов. Судя по осколкам венчика и ножки, амфора привезена с острова Родос, ручки с клеймом подтверждают мое предположение. Грустно.

- Про цирк надо говорить в цирке, - отнекиваюсь я. Смотрю в яму. Обидно, что костяк перемешан, но во входной камере четко прослеживается детское погребение. Очень высокая детская смертность в античности, почти семидесятипроцентная. Женщина работала, как автомат, на воспроизводство. Дожить до 30 лет считалось подвигом. Средняя продолжительность жизни римского легионера - 24 года.

- Расскажи тогда про свой цирк, - прерывает мои беспорядочные мысли Виталик.

Я задумался. О чем рассказывать? О том, как пацаном два сезона подряд двигал отвалы в Хакасии, или о том, как привалило в скифском колодце посреди Барабинской степи? Или о первых глотках спирта, которые обожгли детский желудок. Не хочу. Нет настроения.

Позади нас тарахтение мотора. На курган въезжает старая разбитая «копейка». Это Валера - одноклассник Виталика, тоже музыкант. До армии вместе лабали по ресторанам. Сейчас безработный и заядлый охотник. Лицо красное, защитный комбинезон, в руках буркан вина и здоровый кусок брынзы.

- Привет, гробокопатели!

Мне досадно, что белая брынза измазана какой-то машинной грязью. Мы расстилаем газету и придавливаем края комьями земли.

- Вы не умеете копать, - громко говорит Валера. Он всегда орет, как в марте-новском цеху. - Вот у меня дед до войны выковал прут метров семь длиной, загнул крючок на конце и вытащил из земли амфору с золотыми червонцами. Зацепил ее за ручку...

- Ну, давай за твоего удачливого деда, - тихо улыбается Орлов.

Цок-цок.

Историю об амфоре с золотыми червонцами мы уже в самых экзотических вариациях слышали раз двадцать. Ну что ж - в Николаеве это золотая карета, в Бессарабии - амфора с червонцами.

Наши рабочие сносят насыпь небольшого кургана метрах в 150 от нас. Время от времени приносят нам находки: куски керамики, обожженные кости животных - остатки погребальной тризны.

- Вы не умеете копать, - упорствует Валера. - Вон тот курган надо копать, - показывает он на север, где на околице села Турлаки высится громадный семи-метровый красавец. - А здесь вы ничего не найдете. Цок-цок.

- На тот курган у нас нет документов, - разводит руками Орлов. - И что твой дед сделал с этими червонцами? Потратил?

- Не-е-е, - качает головой Валера, - закопал, спрятал.

- А зачем выкапывал, - смеется Орлов, - чтоб опять закопать? Двойная работа. Наливай, Валера.

Цок-цок.

Валера начинает скучную беседу о видах на кладоискательство. Мы его не слушаем. Орлов трет щетину, ему скучно. Я вставляю междометия в Валерин монолог - надо отрабатывать вино.

Близится вечер. Валера не унимается. Нам покойно, и потому он для нас не раздражитель. У Виталика падает шлепанец в яму. Надо лезть. Сто пятьдесят килограммов сползают в трехметровую яму. Валера замолкает. Тишина. Здорово!

Наконец-то есть повод отвлечься. Нам машут с дальнего раскопа рукой. Мы не торопимся. Орлов разливает остатки вина по стаканам. Цок-цок.

- Пошли, Серега, посмотрим.

Прибегает гонец - совершенно пьяный Блинчик. Надо идти. С трудом избавляемся от Валеры.

- Я хочу полежать, - говорю Виталику, - мне дурно.

- Ты меня уважаешь? - укоризненно смотрит на меня Орлов.

Уважаю. И потому тащусь на курган. Идем. Я запинаясь. Я уже пьян. Орлов, как всегда, трезв.

Вова нашел «мелкое» погребение. Скорченник. Взрослый мужчина во внутриутробной позе. Как пришел в этот мир, так и ушел из него. Все банально. Срубник. Я пьян и не могу рисовать.

Лепной горшок у изголовья в левой части... и все. Скучно.

Виталик возбужден и суетится. Скорченник, как положено, посыпан охрой.

- Давай, делай что-нибудь, Серега.

Я пьян и не могу даже фотографировать. Орлов отнимает у меня фотоаппарат и портит чудовищное количество кадров. Я возмущен и трезвею.

- Хочешь, я расскажу тебе предание из своего «цирка»? - я уже почти трезвый

и хочу отвлечь Виталика от фотоаппарата. Мне жалко пленки.

- Говори, - бросает он.

- Дай сначала аппарат.

Орлов закрывает крышку и протягивает мне «Зенит». Осталось всего 4 кадра. Жалко. Пленка «Кодак», чувствительность на 200. Жалко.

Рабочие собирают лопаты. Макарон смотрит на мой потерянный вид и протягивает полбуркана вина. Ох! Спасибо, Андрюха. Мы с тобой на одной волне. Цок-цок.

- Говори, - требует Орлов.

Я опять пьян, но пересиливаю себя.

- Это было до моей николаевской эры, - мне очень плохо. Я неважно выгляжу.

- Тебе надо поблевать, - кивает головой Орлов.

Рабочие ушли. Остался один Блинчик, который хочет догнаться. Вова смаывает рулетку. Блеть не хочется и... беседы беседовать тоже. У меня в джинсовой куртке полбуркана вина. Скоро я опять буду в норме. Цок-цок.

- Ты меня не любишь, - ною я, - ты меня не жалеешь.

Лиман двоится у меня в глазах.

- Ты что, дойная корова, чтобы тебя жалеть? Это я дойная корова.

Логика железная. Орлов на самом деле дойная корова. Ну как еще объяснить его абстрактные поступки? Музыкант. Занимается археологией. Что-то во всем этом сквозит виртуальное, и недоступно человеку с малым количеством масла в голове. Я до сих пор его слабо понимаю, и потому сдаюсь.

- Хорошо, только отойди подальше.

Мы стоим на краю ямы. Погребение эпохи поздней бронзы. Скорей всего, примитивный «срубник». Вспоминаю, что эта культура сравнительно слабо идентифицирована, поэтому каждое погребение добавляет для специалистов свою каплю в статистику. А в принципе, нищета. Из инвентаря - один лепной горшок. Внутриутробная поза. Посыпан охрой. Взрослый мужчина.

Орлов дает подзатыльник Блинчику, который сплевывает в погребение («не кошунствуй!»).

- Говори, а то трезвым спать ляжешь, - Орлов не шутит.

А мне плохо. Хочется выпить и спать. Я алкоголик.

- Черт с вами со всеми, музыкантами. Я вас не люблю.

Орлов терпеливо слушает и не перебивает.

- Ну вот, поздняя осень, - начинаю я.

Мы садимся на край ямы. Виталик режет белую, как снег, брынзу.

- Уже дожди скоро обещают и холода, - Орлов лениво рвет курицу.

Мне плохо, я хочу выпить. Виталик укоризненно качает головой. Цок-цок.

Мне легче.

- Было это в начале 70-х, в Херсонской губернии. Покойный археолог Кубышев, царство ему небесное, не успевает раскопать курган по осени. Дожди, слякоть и все такое. В общем, работать нельзя. Он, естественно, принимает волевое решение - сняться и докопать курган по весне. Нормальное в общем-то решение. Все так делают, когда не успевают. Они снимаются и уезжают в Киев. Приезжают на следующий год по весне и... тут начинается песня. Курган оказывается полностью раскопанным. Кубышев бегом в сельсовет к голове сельрады на прием. «Кто копал?» - «Мы копали» - «Вы ж не имеете права» - «Имеем право, мы и с военкоматом сотрудничаем». В общем, раскопали они, Виталик, точно такое же скорченное погребение. И бегом к местной учительнице истории. Это что-то вроде эксперта на селе. Вчителька, кстати, окончила Николаевский педин, у Васи Никитина археологии училась. Она идентифицировала нашего «срубника» как «красного кулеметника», который «вмер в запеклом бою» и лежит «геть у весь у крови, скоцюрбленный». Короче, как держал ручки «макси-ма», так и «вмер».

- Ну и что? - смеется Орлов.

- Что... Пионерские горны, барабаны и знамена. Торжественное перезахоронение героя в братскую могилу односельчан, погибших в Великую Отечественную. Все как у людей. Центр села. На памятной стеле надпись - «Неизвестный».

Орлов смеется. Цок-цок.

Мамай

О собаках всегда комфортно писать. Они не подадут судебный иск за клевету, за оскорбление чести и достоинства. Собаки верят, что вы их не оболжете, они считают вас порядочным человеком.

Мамай из собачьей интеллигенции. Если бы храбрый солдат Швейк встретил беспризорного Мамаю, ему пришлось бы выправить не липовую собачью родословную, а диплом бакалавра Сорбонны. У меня такое ощущение, что он может не только слушать, но и читать лекции по философии.

Мамай - умная собака. Он очеловечен донельзя.

- Если бы у него были пальцы, - закуривает Орлов, - я бы попросил его подписывать платежки и договора.

- А сам бы пил водку, - лениво вмешиваюсь я.

- А сам бы сочинял музыку, - Орлов пинает шлепанцем по скату «Мерседеса» («пора ставить на станцию»).

Мамай не любит пьяных. К Орлову привык, но меня, «родственничка», переносит с трудом. На всех остальных рычит и лает.

- Пойдем посмотришь, - тянет за руку Виталик и вытаскивает из кучи бумаг собачью родословную на сорок поколений.

М-да, он еще и столбовой дворянин. Судя по всему, его прапрапрапрадеда трепал по холке сам Берия, который и вывел эту породу для охраны политзаключенных в северных районах. Мамай, действительно, аристократ. Спит только на белых простынях и плохо себя чувствует в непылесосенной квартире. Ничего не поделаешь - такая генетика.

Мамай горд. Он не попрошайка. Котлета в тесте в «Украиночке» для него - это как наркомовские сто грамм бойцу перед боем. Он благороден: умрет, но дома не нагадит. Классный пес.

Мамай приехал из Москвы девять лет назад. Питомник Министерства обороны «Красная звезда» отказался от него как от неперспективной особи. К счастью, селекционеры ошиблись. Кобель переболел чумкой и вырос в громадного пса. Он на четыре сантиметра выше кинологического стандарта. На выставки его не водят. Направлений на вязку с себе подобными не дают. Мамай свободен. Он аристократ и спит с простолюдинками - дворнягами. В этом месте он счастлив. Ему редко кто отказывает.

«Украиночка». Цок-цок, цок-цок. Мы пьем, Мамай закусывает.

В "Мерседесе"

Мне надо уезжать из Аккермана. У жены день рождения. С трудом вспоминаю, сколько ей лет. Она - Скорпион, я - Телец. Гремучая смесь. Склонная пара. Ругаемся по пустякам.

Виталик все утро ходит с мобильником и распекает своих администраторов в Николаеве. Из Полтавы прибыли гастролеры - цирк шапито. Ему тоже надо ехать.

Не хочется. Лениво ковыряю вилкой утреннюю яичницу. Все равно с женой ничего не получится. Если романтические отношения плавно не перешли в партнерские - дрова, прощай, очередной брак.

- Say cheese, Серега, - прерывает мои мысли Орлов. Он выходит из погреба. В руках большой графин с вином. - Что ты ей подаришь на день рождения?

- Боксерские перчатки.

По двору разгуливают куры. Каштанка греется на солнышке. Орлов разливает вино по стаканам.

- Для психического здоровья, - загибает он пальцы, - надо раз в полгода переставлять мебель в квартире, раз в четыре года менять работу и раз в восемь лет жену...

- И четыре раза в день пустую бутылку на полную, - зеваю я.

Мне скучно. В тарелку с салатом упал виноградный лист. Тепло. Аккерманская осень не такая, как в Николаеве. Она нетороплива и вальяжна. В подвалах тихо булькает вино, на огородах лениво дымятся листья. Не хочется ехать. Цок-цок.

- Серега, мы ж всего на три дня. Туда и обратно, - Орлов хлопает багажником, - потом опять все наладится. «Туда-сюда-обратно-тебе-и-мне-приятно», - напевает он на мелодию из «Фигаро». - Садись. Поехали.

Снова долго и нудно петляем по узким аккерманским улочкам и вскоре выезжаем на трассу.

- Нет, ты только посмотри на него, - возмущается Орлов и тычет пальцем на дорогу. - Стабильность - признак мастерства.

Опять Паланка, опять аусвайс-контроль, опять наш старый знакомый пограничник и опять расхристанный. Молдаванин слегка покачивается. Он похож на старый камыш в бессарабских плавнях.

- Смотри, он же пьяный! - мне радостно за пограничника. Пьянство при исполнении - признак личности творческой. - Давай ему на обратном пути утюг купим.

- Ага. Он на нем мамалыгу будет жарить.

Молдаванин поворачивается к нам спиной. Рубашка выбилась из брюк. Жалко парня. Он такой же неустроенный, как мы, и выглядит по-настоящему одиноко. Останавливаемся. Орлов манит таможенника пальцем. Протягивает из

окошка стакан вина.

- Ши санатос.
- Ин кина кубини*.

Воскресенье. Машин на трассе почти нет. Прощай, Бессарабия. Здравствуй, родина. Цок-цок.

Одесская трасса в воскресенье очень комфортна. Машин мало. На обочинах крестьяне с яблоками и рыбой, ленивые «плечевые» тетки.

На спидометре стабильная сотка. Цок-цок. Из магнитофона Кай Метов с полузабытым хитом - «Position №1». Орлов убивает громкость и оборачивается.

- Терпеть не могу этого придурка.
- Чего? Такой же, как все.
- Придурок.
- Нормальный парень. Флегматик.
- Знаешь, сколько я с ним натерпелся.
- Чего? Он вроде спокойный.
- Спокойный Кай Метов - мертвый Кай Метов.

Мы останавливаемся в поселке Котовского у магазина. Закончилось спиртное и сигареты. Орлов разливает последние капли «Первака» по стаканам. Цок-цок.

- А ты знаешь, что Котовский тоже промышлял в Бессарабии? - Орлов хрустит яблоком и крутит ручку бокового стекла.

- Да черт с ним, с Котовским. Что там с Каем Метовым?
- Сейчас, подожди, - Орлов вылезает из «мерса» и движется к гастроному.

Я начинаю что-то припоминать из истории с Каем Метовым в Николаеве. Что-то такое ассоциативно неприятное... но ничего конкретного в памяти не всплывает.

Вернулся Орлов и распахивает водку в бардачок и карманы.

- Пить будем по-новому, - улыбается он.
- Это как?
- Без фанатизма.
- Дак что там с Каем Метовым?

- Что-что. Обычная филармоническая история. В девяносто шестом с его директором заключили договора на один концерт в Одессе и на один - в Николаеве. Все чин-чинарем. Билеты продали. Переаншлаг. Шапито забит под завязку. Народ с цветами вовремя собрался. Конструкции еле держат, стулья в проходах. Ждут. Проходит полчаса, час. Нет Кая Метова. Звоню в Одессу. Матерюсь. «Только выехал» - отвечают.

---

* - Ши санатос - Ин кина кубини (молдав.). - Ваше здоровье - Ваше здоровье.

Мои медведи, которые разогревали публику - уже устали. Представляешь, два часа проходит - нет его. Молодняк николаевский напился, орут: «Мы сейчас тебя и твоих медведей в первую позицию поставим». Медведи устали кататься на шарах и не хотят работать. Народ кидает на манеж печенье и булки, они, конечно, голодные и отвлекаются. Проходит три часа - нет Кая Метова. Народ заведен донельзя. Что делать? Заставляю конферансье выходить каждые пятнадцать минут и кричать в мегафон: «Кай Метов уже в Нечаянном!», «Кай Метов уже в Варваровке!». Медведи уже устали и спят прямо на арене. Я, конечно же, достал ствол из сейфа, на всякий случай. Ты ж знаешь нашу николаевскую босоту.

- Ну и что?

- Четыре часа - нет Кая Метова! Медведям дали пива, и они совсем не хотят работать. Ты же знаешь, это водка бодрит, а от пива делаешься тупым и ленивым.

- Ну и чем все закончилось?

- Приехал через пять часов. Оказывается, где-то пьянствовал в одесском баре. Пьянющий приехал. Отработал, правда, как положено. В конце выходит николаевская барышня...

- Какая барышня?

- Ну... такая, ничего себе, симпатичная, с цветами. Кай Метов протягивает за букетом руки, а она его розами по морде.

- Seriously?

- Ну да. Стоит, как оплеванный, клюв опустил... Директор его, тоже подарок. «Как это вы посмели самого Кая Метова(!) на «Москвиче» в гостиницу везти!».

- Seriously?!

- Ну да. Надо было его, конечно, на трамвае отправить...

Коблево. Придорожный базарчик. Орлов бродит в шортах и лениво достает торговки.

- Корейскую морковку надо покупать у корейцев, а у вас надо покупать галушки и сало. Посмотрите на себя в зеркало...

Толстая тетка в грязном переднике машет на него рукой.

- Свежая? - тычет Виталик в брынзу.

- Сегодняшняя, - улыбается ему опрятная женщина.

- А почему глаза отводите, когда отвечаете?

Через полчаса наконец-то скупилась. Надо ехать. Цок-цок.

История

Нам не везет. Варваровский мост разведен, и мы целый час греемся в длинной веренице машин. Спиртное закончилось. Магазинов рядом нет. Мне плохо. Это, наверное, посталкогольная депрессия. Орлов в прекрасном расположении духа и вовсю сыплет анекдотами. Он их знает целую кучу. Рассказывает в лицах, как профессиональный сатирик на эстраде. Мне плохо, хочется выпить.

- Ты знаешь, как можно заставить русского прыгнуть с Варваровского моста?

Я молчу, мне скверно.

- Ему надо сказать: «С Варваровского моста прыгать категорически нельзя!».

- У тебя неправильное представление о русском национальном характере.

Мимо нас проходит молодая торговка в каком-то гоголевском салопе с тележкой: «Чай. Кофе. Каппучино».

- Ну давай, кофе возьмем. Нету водки!

- Ты, что, меня отравить хочешь?

Орлов закуривает сигарету и пристально смотрит на меня. Мне плохо. Совсем плохо.

- И что же ты, татарин, знаешь о русском национальном характере?

В открытое стекло машины заглядывает аккуратненькая старушка с добрым лицом.

- Хлопцы! Сто грамм. Водка, самогон, вино, - в руках у нее плетеная корзинка. Сверху на рушнике чайное блюдо с нарезанным луком и солеными огурцами. Капитализм! Здорово!

- Черт с тобой, - тушит сигарету Орлов. - Когда вы уже все напьетесь? Два по сто. Водка вкусная?

- Виталик, нам еще час стоять, - киваю я на километровую очередь.

- Логично, - Орлов протягивает бабушке пустую бутылку «Первака». - А скидка оптовым покупателям будет?

Бабушка дает «оптовикам» три соленых огурца «на поход».

- Ну, давай за русский национальный характер.

Цок-цок.

Мне легче. Мир опять добр и красочен.

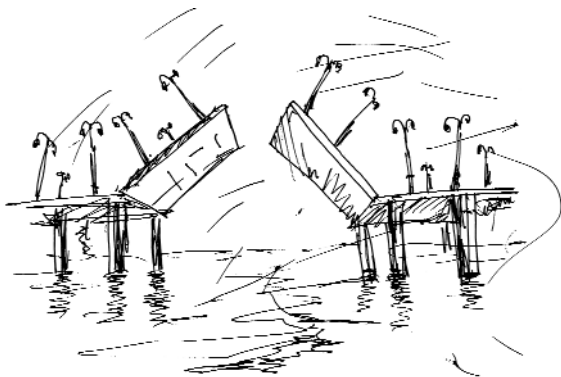
- Что вам, оторванным музыкантам, известно о характере? У вас примитивное бытовое представление о реальности, - я затягиваюсь сигаретой.

Орлов делает ошибку, что меня не перебивает. Меня несет. Проснулся лектор.

- Национальный характер - это пограничная этнологическая и философская категория.

Орлов опять не перебивает. Меня несет в даль необъятную.

- Это сложноструктурированная дефиниция, которая включает в себя мента-

литет, национальную мечту, национальную вину и весь спектр духовного состояния личности в масштабах этнической общности...

Орлов улыбается и протягивает мне пластмассовый стаканчик.

- Кочумай. Я о другом. Я о реальности.

- А я о чем?

- Твоя реальность безжизненна. Она невкусна и зашорена... Она, черт подери, одета в твои паршивые дефиниции. Она неправильная, она другая...

- А у тебя правильная?

- Правильная. Мы, музыканты, видим мир искренне, а вы, археологи, - ханжи. Все облакаете в дефиниции. Вам тетку трахнуть от души нельзя. Вы все опишете в отчете своими гребаными дефинициями.

- Успокойся!

Я задумался. Выплыли строчки из какой-то давно прочитанной монографии. Первыми воспринимают назревшие перемены в обществе тонкоорганизованные музыканты и поэты. Вторые - писатели. Третьи - театралы. Четвертые - кинематографисты и... в самом конце лестницы этой открытой социальной рецепции - проституированные журналисты...

- Мир живой и полон звуков, - прерывает мои размышления Орлов, - а ваша реальность тосклива. Я не хочу жить в вашей реальности...

- Успокойся. Чего завелся? Наливай.

Цок-цок.

Мне уже совсем хорошо. Прощай, депрессия. Корабль еще не прошел, и стоять нам еще долго. Вечереет. Народ в соседних машинах укладывается спать, ужинает, читает газеты.

- Русский национальный характер - это не дефиниция, - вытирает руки салфеткой Орлов, - это реальность. Русские законопослушны. Это тебе не гонимая шляхта.

- А как же «нельзя категорически прыгать с моста...»?

- Это анекдот, а в реальности они законопослушны. Они часто терпят несправедливые законы, и терпят очень долго.

Я укладываюсь на заднем сиденье и закурываю. Мне хорошо.

- Расскажи о музыкальном характере, - я почти засыпаю.

Орлов бодр как всегда.

- Чего рассказывать. Далеко ходить не надо. Два родных брата моей бабушки - настоящие русские, полковники генерального штаба, - Орлов разливает по стаканам остатки «пиратской» водки.

Я свозь дремоту вспоминаю старые фотографии, которые показывала мне в Аккермане Оксана Андреевна.

Двое военных. Сидят на венских стульях. Красивые рослые мужчины. Левый локоть опущен на эфес сабли. Эполеты. Светлые, красивые лица. В центре молодая симпатичная женщина. Темное платье. Воротник из дорогих кружев. Тонкая нитка жемчуга на шее. Последнее фото перед войной. Печать разлуки...

- Моя бабушка - настоящая смолянка, - Орлов выбрасывает из окна пластмассовый стаканчик, - окончила Смольный институт. Шесть языков, дворцовый этикет, рукоделие и все такое. На войне - санитарка в госпитале возле Перемышля. Брусиловский прорыв... ну все такое, ты знаешь. Она мне много про войну рассказывала.

- Она что, из дворян?

- Конечно, по отцовской линии мы из дворян.

- И, конечно, из фаворитов Екатерины.

- Нет. Это просто однофамильцы, - Орлов не замечает моего ехидного тона. - Да вот, бабушкины братья были настоящими русскими. Они много терпели. Представляешь, сначала кадетский корпус. Сплошные запреты. Жизнь по уставу. Гибель детского адреналина. Затем закрытая академия...

- Ни девочек, ни водки, ни марафету, - глумлюсь я.

Орлов смотрит на меня пристально. Я сразу трезвею.

- Не обращай на меня внимания. Я просто проснулся. Что дальше?

Орлов теплеет.

- Что дальше? Закрытые заведения. Никаких развлечений в лучшее время жизни. Сплошные книги, экзерциции на эскадронах и все такое, ну, ты знаешь. В монастырях ведь воздержание добровольное. Там народ внутренне себя обрек на него, а у военных все иначе - государство их заставляет быть монахами. А ты говоришь, что русские не законопослушны. Эй! - Орлов пальцем подзывает варваровского цыганенка. - Что у тебя там? - тычет он в грязную сумку.

- Пиво, пэпсы, - мальчишка совсем грязный и опускает тяжелую сумку на бордюр.

- Два пива, - Виталик неторопливо открывает бутылки. - Что ты на меня

установился? Нету водки.

- Да, ладно, давай дальше про братьев.

- Дальше. Дальше все в порядке. Все как у русских. Воевали. Кавалеры орденов, ну, все такое. Наверное, они разработали брусиковский прорыв. И если бы не жида-подрядчики, еще неизвестно, чем бы дело кончилось. - Орлов протягивает пустую бутылку цыганенку, который терпеливо ждет на обочине.

Пиво оказывает на меня неправильный эффект. Полудремотное состояние. Сны - кинематограф. Тусклый свет лампы. Два рослых полковника склонились в низком блиндаже над столом. Тихо беседуют. Чертят громадные красные стрелы на карте. Потом смеются и как американские баскетболисты бьют друг друга раскрытыми ладонями по рукам.

- А за кого они воевали?

- За белых, конечно. У них было достаточно масла в голове, чтобы не связываться с быдлатиной.

- У Деникина воевали?

- Да нет. Бабеля читал? Помнишь «На Дону и в Замостье тлеют белые кости...»?

Мне нравится, как поет Орлов. Абсолютный слух. У него здорово получается.

- Дак вот. Когда этот вахмистр Буденный начал свой польский поход, то полякам пришлось поначалу худо. Эта банда мародеров и убийц совершенно на фонарь, экспромтом, ударила по самому слабому месту поляков...

- Разграбила винные погреба?

- Кочумай? Они ударили по флангам, возникла угроза окружения. Поляки бежали четыреста километров. Варшава была на расстоянии вытянутой руки, и...

- И ни капли водки гоноровой шляхте.

- Кочумай.

- Да знаю я про польскую войну. Ты про братьев расскажи.

Орлов затягивается сигаретой.

- Что про братьев? Братья спасли Пилсудского. Группа офицеров генерального штаба из России разработала во всех деталях программу контрнаступления. Братья входили в эту группу...

- Это в цирке программа. На войне это стратегия и тактика.

- Какая, в задницу, разница - программа или стратегия? Самое главное - они были аналитиками с маслом в башке. Представляешь, - вахмистр Буденный и трезвые полковники генерального штаба России. На кого ты поставишь?

Проходит корабль. Уродливое сооружение. Корабль не гармонирует с рекой. В километровой очереди нет патриотов закрытого города. Все смотрят на корабль, как на неизбежное зло. Эх, Николаев, Николаев.

- На, - Виталик протягивает пятьдесят долларов, - купишь жене подарок. И побрейся, на тебя смотреть тошно.

- А ты не смотри. Главное в человеке содержание.

- Содержание, - Орлов затягивается сигаретой и долго молчит. - Я тебя все-таки закодирую.

- Да ладно тебе. Что там с братьями дальше? Остались у Пилсудского?

- Нет. Они же россияне. Они царю присягали. Честные.

- Что с ними случилось?

- Где-то сгинули в Европе. То ли в Чехии, то ли в Австрии.

Орлов совсем загрустил.

Очередь тронулась. Привет, родная казарма. Спиртного нет. Грустно.

Целительница

Утро в вагончике. Смятая постель. Я лежу одетый. Сухость во рту. С плаката меня укоризненно рассматривает Любовь Успенская. Нащупываю рядом с кроватью бутылку минеральной воды. Все болит. Жить не хочется...

Вчерашний день рождения у жены жизненного тонуса не прибавил. Романтического вечера при свечах не получилось. Всплыли старые обиды. Опять разругались вдрызг.

Телефонный звонок возвращает меня к действительности.

- Алло.

- Ты знаешь, который час? - бодрый голос Виталика режет барабанные перепонки, каждое слово отдается в мозжечке.

- Хватит храповнического давать. Мы к тебе два часа достучаться не можем. Вылезай. На завтрак опоздаешь.

Смотрю в окно. На площадке полтавские циркачи монтируют купол. Уже поставили мачты и крепят их металлическими растяжками. Три взрослые ламы и пара лошадей пасутся на нашем газоне.

Бабье лето в самом разгаре. Теплынь на улице. Смотрю на себя в зеркало. Печальное зрелище. Персонаж.

С зеркалом вообще происходят странные штуки. Оно тебе говорит: «Ты старая, желчная, никому не нужная особь». Ты удивленно поднимаешь брови, и зеркало поправляется: «...но ты еще сможешь потрепыхаться в этой жизни, если умоешься».

В дверь вагончика требовательно барабанят.

- Сейчас, - нащупываю полотенце и наощупьдвигаюсь в темную прихожую.

Солнечный свет бьет по глазам. Эффект, как от сварки.

- Посмотрите на этого красавца, - внизу стоят Орлов и вся команда грузчиков. - Никаких добродетелей, одни пороки.

Сергея Шумилкина протягивает мне полбутылки пива. Двигаюсь к душевой. Ватное пространство. Каждый шаг молотом по голове.

- Давай быстрее, - кричит вдогонку Орлов, - ты мне нужен.

Душ возвращает к жизни и ко вчерашним воспоминаниям. Эх, не надо было мне про тещу так неосторожно... да и про хватательные рефлексы с прямой кишкой тоже... какой здравомыслящий человек это выдержит. Николаевская барышня, скорее, стерпит ненормативную лексику, чем циничные удары по психике.

Пиво стирает боль в мозжечке, остается тяжесть в лобных долях. Какого черта! Зачем я с утра понадобился Орлову? Опять беседы беседовать про мою нравственность?

На площадке у циркачей - экзотика. Маленький костер трудится под двухведерным чугунным казаном. Здоровенный мужик, - акробат, наверное, бросает в кипящее масло большие куски баранины. Полтуши все еще висит на крючке. Готовится плов. Две молоденькие девочки чистят лук. Лица зареваны.

Виталик с хлопцами сидят на пластмассовых стульях и смотрят портативный

телевизор, который повернули панелью к солнцу. Идет дебильный сериал про буржуа. Недалеко у столба привязан совсем белый верблюд. Красивая особь, жует жвачку, настоящий дромадер.

- Посмотрите, - радостно тыкает Виталик в экран, - выплыла красотка, целительница хренова.

На экране деревенская хата. Чистенькая старушка, которую играет знаменитая целительница Мария-Стефания, учит искусству народной медицины профессионального врача-психиатра.

Сюжетец про буржуа еще тот. События совершенно оторваны от украинской действительности. Голливуд сплошной. Сразу вспоминается «Тарас Бульба» в интерпретации «Каламбия пикчерз». Типичная картина. Подворье Тараса. Сидит квартет казаков, как положено, с оселедцами и... на балалайках играют

«Калинку». Врывается какой-то окровавленный мужик в ковбойских сапогах, чуть ли не в джинсах, и орет: «Эти проклятые поляки спалили наши фермы!». Денег там, что ли, нет? На консультантах экономят...

- Карьеру сделала, зараза, - прерывает мои кинематографические размышления Орлов, - на «Оскара» тянет.

Пришел гонец со спиртным. «Первак» опускают в ведро с холодной водой. У меня в горле ком и спазм желудка.

- Чем тебе бабка-то не угодила? - я протягиваю руку за пластмассовым стаканчиком.

- Это не бабка, это чудовище! Знаешь, что она тут у меня устроила?

- Отучила тебя от водки?

- Если бы, - Орлов разливает по стаканам холодный «Первак». Верблюд поворачивает голову в нашу сторону и начинает более интенсивно жевать жвачку.

- Тоже выпить хочет, - кивает кто-то из грузчиков.

- Он сейчас в плов плюнет.

- Не плюнет. Он сытый, они только голодные плюются.

Водка прошла мимо пищевода и попала прямо в желудок. Мимо пищевода прошли и помидор, и кусок сыра. В глазах появилась резкость. На экране Мария-Стефания развешивает по хате целебные травы.

- Дак чем тебе бабка не угодила?

- Если бы только мне. Ты помнишь, Серега, эпоху целителей? Ну, Кашпировские всякие, Чумаки, которые на шару всех лечили и газеты заряжали положительной энергией.

- Конечно, помню, их хлебом не корми, дай корабела от спиртного избавиться.

- Вот-вот. Дак эта бабка - из первого поколения целителей, - Орлов закуривает сигарету. - Где-то в начале 90-х мы заключили договор с директором этой бабки. Она должна была дать в Николаеве несколько своих целительных сеансов. Приехала красавица с двумя автобусами команды поддержки...

Зазвонил мобильник. Орлов набрал на мелодию звонка свадебный марш Мендельсона («...хочешь, похороны Шопена наберу...»). Виталик отходит в сторону и начинает орать на невидимого абонента.

- Все. Задолбали! Не дадут корабелу водки попить, - садится он на стул и прячет мобильник в карман.

Цок-цок.

- Ну и что дальше?

Телевизор уже никто не смотрит. Все слушают Орлова.

- Дальше дурдом. Живет бабка в люксовском номере в «Туристе», а команда работает. Реклама сумасшедшая: «возвращаю зрение слепым, отращаю ноги

безногим». В общем, делает всех счастливыми, стопроцентно излечивает все болезни - от триппера до рака.

Возле столба занервничал верблюд. Переступает ногами, два горба возмущенно трясутся.

- Дайте ему морковки, - оборачивается Орлов, - а то, действительно, плюнет. В общем, вы знаете нашего доверчивого корабела. Народ на нее попер. У меня шапито на три с половиной тысячи мест. Проходы забиты людьми. Калеки на носилках, в инвалидных колясках, все николаевские слепые и глухие собрались у меня. Ну, думаю, дрова. Не выдержат конструкции. Мачты согнулись. Я закрылся в вагончике, боюсь смотреть в сторону цирка. А тут еще пошел ливень. Нагрузка от мокрого купола на мачту увеличилась...

Сверху мелькает большая тень. Все оборачиваются. Громадный белый попугай ара устраивается на нашем заборе. На ноге обрывок металлической цепи. Гребень, как у польского гусара, воинственно поднят.

- Тихо! - говорит Орлов, - сейчас я его поймаю. Главное, не делать лишних движений. Цып-цып-цып, - крадется Виталик.

- Не трогайте его. Он испугается, - из вагончика выходит пожилая женщина в халате, - я сама. Она спокойно забирает попугая и уходит.

- И что дальше?

- Дальше совсем весело. Сажу в вагончике, раздаю слепым и безногим контрамарки. Думаю, если рухнут конструкции, все сразу вылетят. Кстати, случай смешной произошел. Заходит ко мне женщина, усталая такая. Приехала откуда-то из Казанковского района. За руку тащит мужика. Смотрю, ну совсем наш парень. Синий. Разит на версту как из пивной бочки. Просит контрамарку. Надо мужа лечить от алкоголизма. Чуть не плачет. А он стоит сзади и ерепенится. «Никуда не пойду с похмелья. Не пойду, пока не нальешь». В общем, подсказал я ей, где купить спиртное. Выхожу через двадцать минут. Стоят у забора. Он, конечно, дает горниста. Выпил и упал на газон. Она, бедная, тянет его за руку, пытается поднять. Самоотверженная женщина...

Орлов задумался и разминает сигарету. Все терпеливо ждут.

- Попросил хлопцев, чтобы занесли его внутрь, и прислонил в проходе. Пусть лечится. Наш человек.

Цок-цок.

Плов уже готов. Циркачи толпятся с тарелками у казана. Нашей компании перепадает громадная кастрюля. Настоящий плов. Виталик отсылает артистам две бутылки «Первака» от себя. Алаверды. Цок-цок.

- И что, обошлось с конструкциями? - интересуюсь я.

- Обошлось, конечно, - затягивается сигаретой Орлов. - Корабела нашего жалко, наивный он.

- Чего?

- Чего. Бабка профессионалка. Привезла с собой группу поддержки. Куча подсадных уток. Естественно, все хромые бросают на арене костыли и уходят домой своим ходом, парализованные встают из инвалидных колясок и отплясывают чечетку на манеже, слепые читают газету и все такое. Зал ревет. Эти тридцать-сорок человек его заводят до безобразия. Грамотно работала бабка, ничего не скажешь.

- И от спиртного лечила?

- Ну а как же. Массовые излечения, немедленно и навсегда, - Орлов смеется. - Вспомнил. Партнер у меня тогда был. Славиком звали. Сейчас где-то на журналисткой ниве подвизался. Тоже не любитель выпить, такой же, как ты. Ну, мы с ним вроде как в доле. Вместе бабку пригласили. Дак вот, на последнем представлении вызывает бабуля желающего немедленно и навсегда излечиться от алкоголизма. Выходит Славик. С утра на груди уже литр. Бабка делает ритуальные движения, что-то бормочет и... «Все, ты больше не будешь пить!». Славик артист. Давай руки бабуле целовать, громко благодарить. Она осеняет его крестным знаменем: «Иди с Богом, сынок, ты здоров». Тишина. Полный зал наблюдает. Славик счастлив, так счастлив, что... вытаскивает из одного кармана граненый стакан, из другого - бутылку водки и прямо на арене наливает его до краев. Свет софитов направлен на стакан. Барабанная дробь. Поверхостное натяжение водки. Ни капли на арену. Зал молчит. «Твое здоровье, бабуля!». И выпивает до дна. Занюхивает рукавом. Зал молчит. Барабанная дробь прекратилась. Я в шоке и не знаю, что делать. Группа поддержки ошарашена. Они не ожидали такого вероломства от Славика. В зале тишина такая, что комара слышно. «Сейчас ты устр...шься», - говорит бабка. «Да нет, что вы! У меня с утра прекрасный стул», - бодро отвечает Славик. Они вступают в перепалку. Зал молчит. Еле-еле уволок его с манежа. Представление, конечно, быстро свернули.

- А бабка?

- Бабка так на меня зыркнула глазом, - смеется Орлов, - что мне сразу захотелось выпить. А вообще, мы на ней неплохо заработали. Только не радостно все это. Жалко корабела.

Вечереет. Циркачи загоняют животных под навес. Гордо уходит верблюд, не удостоив нашу компанию взглядом.

По телевизору вечерний повтор «Буржуя».

- Привет, бабуля, - поднимает стакан Орлов, - увидимся в следующей жизни.

Цок-цок.

Аккерман-6

У нас остался последний курган. Самый большой, метров тридцать в диаметре. Надо до первого снега его добить. По утрам уже прохладно и приходится надевать бушлаты, «труссы с начесом», как говорит Виталик. Рисовать трудно, мерзнут руки. Приходится обрезать пальцы на перчатках, чтобы удобно было держать карандаш.

В похолодании есть свои плюсы. Хлопцы через каждый час бегают в село за вином. Цок-цок. У Макарона в подвале осталось всего литров 200, полторы тонны уже выпили.

- Не переживай, Серега, - хлопает он меня по плечу. - У меня еще есть три тонны - заначка. Чтоб жинка не знала.

Это радует. Будем жить. Орлов простыл в Николаеве. Лежит с температурой уже две недели. Мы с Володией обжились в селе. С нами все здороваются и дают в долг вино. Здорово!

Хлопцы бодро снимают курганный насыпь. Виноградник уже сбросил листья, и графика его ветвей на фоне свинцового неба очень красива. Ветрено. Прыгаем с Вовой в яму. Надо смотреть бровку. На ее отполированной стенке прослеживаются грунтовые слои разного цвета. Именно по ним и определяется процесс засыпки кургана. Светлая полоса - материк, темная - дневная (древняя) поверхность. Как торт «Наполеон».

На нашей бровке все неправильно. Светлые линии обрываются и продолжают темными в шахматном порядке. Ничего не поделаешь - каждый курган это ребус.

- Кто-то сюда недавно лазил, - задумчиво чешет бороду Володя, - может быть, румынский блиндаж?

Хлопцы столпились наверху и внимательно слушают. Бессарабский народ любопытен и пытлив.

- Румынский блиндаж неинтересен, - я ставлю рулетку на «попа» и быстро рисую бровку на планшете с миллиметровкой, - румыны - нищета. Жили на войне по-скотски. Ни умывальника, ни сортира. Вот если бы немецкий блиндаж...

Я делаю большой глоток вина из протянутой бутылки и вспоминаю неисчислимые небылицы о «сокровищах» немецких блиндажей и землянок, слышанные в детстве. Ящики с французским коньяком, контейнеры с копчеными угрями и сардинами. Какую только лапшу не вешали на детские уши мои взрослые учителя. Я закусываю яблоком. Выпить хочется еще.

- А что немецкий блиндаж? - зачарованно смотрит на меня Блинчик. Он двоичник, но, в отличие от всех остальных, в школе еще учится.

- В немецких блиндажах лежат розги и шпицрутены для плохих молдавских

мальчиков и...

- Дядя Сережа! - кричат из соседней ямы, - идите к нам.

Все отходят к соседнему раскопу. Мы остаемся втроем. Я, Вова и Макарон. У нас еще полбуркана вина. Торопиться некуда. Цок-цок.

Темнеет рано. В четыре уже сумерки. Через час пора двигаться домой. Вечер обещает быть содержательным. Макарон зарезал кабанчика и приглашает меня с Володией на ужин. Здорово. Цок-цок.

В соседней яме полный вандализм. Грабленное погребение. Перемешанные кости. Череп в ногах. Куча керамических осколков. Разбит весь «джентльменский набор»: амфора, серолощенные килик и тарелка. Остатки стеклянной бусины рассыпаются в руках.

Четвертый век. Разгар эллинизма. Кровавая встреча цивилизаций. Греки превратились в варваров. Первый дранг нах остен - самый удачный и самый драматичный. Разбойная прогулка великого полководца...

- А это куда девать? - отвлекают меня от беспорядочных мыслей из ямы.

Керамика уже рассортирована и уложена по пакетам. Рука в перчатке протягивает снизу череп. Хорошая сохранность, тонкие челюстные кости, полный набор крепких зубов. Молодая женщина. Надо смотреть. Осторожно, краем ножа, выковыриваю из ротовой полости землю. Вот оно! Есть! Обол Харона. Остатки древней бронзовой монеты. Кусочек бронзы. Плохая сохранность. Изображений на аверсе и реверсе - нет. Женский рот - агрессивная среда даже для бронзы. Она заплатила лодочнику Харону за работу и теперь обитает на другом берегу Стикса.

Меня слушают раскрыв рты. Эх, пытливый бессарабский народ...

- А почему мужикам в рот ничего не клали? - мычит пьяный Гава - здоровый беззлобный переросток, вечный гонец за вином.

- Почему? Не модно это было тогда.

Все смеются. Пора идти домой. Еще один день прошел. Цок-цок.

Прошла неделя. Нет Орлова. До сих пор болеет. Мы с Вовой не голодаем и не

изнываем от жажды. Зато уже должны полселу чудовищную сумму денег, но нам по-прежнему открыт неограниченный кредит. Что делать? Холодно.

Вечер. Уставились с Вовой в телевизор. Цок-цок. Идет «Поле чудес». Цок-цок.

- Нам Виталик голову открутит за долги, - лениво размышляю я, - опять будет «вы мне полколбасного цеха пропили... полкоптильни закопали...».

- Отбоярится как-нибудь, - Володя разливает вино по стаканам. Рука у него легкая. «Дэсь на тыждэнь» - как говорит Орлов.

Цок-цок.

Якубовичу дают подарки, и Якубович кому-то дает подарки. В глазах у меня двоится. Надо срочно поправить зрение. Цок-цок.

Якубовичу дают подарок. Толстая тетка из Евпатории протягивает ему расписную краснолаковую амфору и говорит, что ее нашли «в раскопках археологи». Мы с Вовой трезвеем.

- Ты видел? - у меня запоздалая реакция, я не могу сразу ответить. - Вот это беспредел! Это же надо такое!

- Это подделка. В Евпатории все поставлено на поток, - в моих глазах темнеет.

Цок-цок.

Еще три дня в трудах. Наткнулись на глубокую яму. Уже прошли четыре метра, а края не видно.

- Может, скиф? - интересуется Вова.

Я пожимаю плечами. На скифа, вроде, не похоже. Нет каменной забутовки, да и по размерам не похоже на скифскую яму. Нет, не скиф. Напоминает архаическую яму.

Вдали слышится тарыхтение мопеда. Это Тимофей. Он всегда ездит без глушителя. Хороший парень. Они с Володей из одного песочника, вместе росли и учились. Затем Володя пошел на моря, а Тимоха - шоферить на север. Заработал денег, построил дом, женился. Он у нас в соседях. Жена у него, правда, большой подарок. «Совсем забила парня в асфальт», - жалеет его Виталик. Однако Тимоха не унывает, и мы всегда рады его приезду. Я устал от вина, а Тимофей пьет только водку. Мы с Вовой приободряемся.

- Привет! Давненько тебя не было.

Тимофей отцепляет от мопеда тонкий шуп из нержавеющей стали, который мы ему заказали для пробивки придонного слоя.

- Годится?

- Годится. А где остальное? - Володя колышет шупом матерчатую сумку, висящую на руле. Из нее слышится призывный звон стекла.

Жизнь налаживается. Цок-цок.

Наконец-то. На пятом метре пошел материк. Тщательно подчищаем дно. Ничего. Ни костяка, ни инвентаря. Голые стены и дно. Ничего. Ни одного осколка.

- Что это такое? - оборачивается ко мне Володя.

- Кенотаф, - мне тепло после водки. Все столпились на краю ямы и разочарованно смотрят вниз.

- А что это такое? - Тимофей протягивает мне бутерброт с брынзой и стеклянный стаканчик с водкой.

- Пустое погребение, иммитирующее погребальный обряд. Кто-то попал в плен на войне и продан в рабство, кто-то утонул на рыбалке в лимане. Тела нет, а хоронить родственникам надо. Это сейчас есть сектора на кладбище для бомжей: «Неизвестный №...». А тогда всех хоронили, кроме... кроме тех, кого ели в голодное время.

Водка приятно падает в желудок. Распогодилось. Пробилось солнце. Улегся ветер. Надо рисовать и фотографировать.

- А кого ели в голодное время? - спрашивает Блинчик с широко раскрытыми глазами.

- Двоечников. У них мясо нежное. Сгоняй лучше за вином, еще полдня работать.

Цок-цок.

В "Мерседесе"

Орлова нет. Из-за морозов работа на кургане движется медленно. Мы с Володи сидим в яме и греем на костре чайник с вином. Из переносного приемника - «Дискотека Авария» с песней про Новый год.

- Будем так копаться, к Новому году не закончим, - задумчиво произносит Вова.

- А ты Новый год еще не встречал с покойничками?

Прибегает младший брат Макарона - Вермишель, как его окрестил Володя.

- Идите в село. Ваши приехали.

- Наконец-то. Слава богу. Допиваем вино и движемся к хате.

Виталик и Багинский выгружают во дворе ящики с продуктами. Упаковки с пивом и минеральной водой блестят полиэтиленовым боком на скупом зимнем солнце.

Отмытые, в чистых джинсовых костюмах. Печать домашнего уюта и благопо-

лучия. Мы с Вовой пообносились и выглядим неважно. Две серые обветренные тени.

- Привет, персонажи! - Орлов пристально разглядывает нас. - Для ЛТП созрели?

- В ЛТП сейчас очередь, недоступишься.

- Ничего, я вас по знакомству на зиму пристрою.

Мы здороваемся. Трезвый Багинский побежал в хату за стаканами.

- Мне сразу двести, - бухает он рукой по столу, - я тороплюсь.

Багинский всегда нервничает за рулем, когда в салоне постоянное цоканье, и потому по приезде в Аккерман отрывается на полную катушку.

- Ну, со свиданьем.

Цок-цок.

- Между первой и второй, - начинает Багинский, - не должна...

- И тебя вместе с ними на зиму пристрою, - перебивает его Орлов, - отдохнете перед новым театральным сезоном.

- ЛТП сегодня - это роскошь, - глубокомысленно изрекает Володя и тянется за огурцом.

Эх, ЛТП, ЛТП. Первый всплеск советского феминизма. Валентина Терешкова в 69-м году от комитета советских женщин обратилась к Верховному Совету с законодательной инициативой... Через год вся страна уже опутана сетью лечебно-трудовых профилакториев. Население у них в основном мужское. Вечный армреслинг полов закончился победой женщины. От спиртного излечивали работой. Передовая методика. Бесплатный труд...

- Ничего, зато посвежете, - перебивает мою лекцию Орлов, - посмотри на себя в зеркало, пьяная слива.

Цок-цок.

- Колбасный цех пропили? - Орлов поддевает вилкой кусок сыра.

- Ну... не совсем, - отворачивается Вова и начинает разглядывать лиман. Яковыряюсь вилкой в салате. Сейчас начнется...

- Сколько?

- Двести.

- Гривень?

- Нет.

Орлов отсчитывает две зеленые купюры. У-уф, кажется, пронесло. Цок-цок.

- Завтра едешь с нами, - подымает глаза на меня Виталик.

- Зачем?

- Затем. Квартиру снимешь. Зимой в вагончике? Не советую. Тоскливо.

- Логично. Зимой в вагончике несладко.

Сажу в «Мерседесе» на заднем сиденье. В ногах у меня десятилитровая бутылка шабского вина. Подарок от Макарона. Здорово. Орлов с Багинским

лениво бранятся: что покупать у первого магазина - «Орбит» или «Антиполицай». Багинский с похмелья. Разит на версту. Поездка до первого гаишника.

- Серега, скажи хоть ты ему, - оборачивается ко мне Багинский.

- Что?

- Что «Антиполицай» - это до одного места. «Орбит» надо брать!

- Водку надо хлебать без фанатизма, - тихо вмешивается Орлов.

Поехали. Бутылка внизу греет и дает ощущение уверенности в завтрашнем дне. Цок-цок.

Паланка. Что-то не так... Нет нашего знакомого. Вместо него - худой выложенный молдаванин. Весь отглаженный, пробы ставить негде.

Придирчиво рассматривает наши документы. Из орловского паспорта выпадает разрешение на оружие. Таможенник внимательно его читает. Долго читает.

- Оружие везете? - бесцветным голосом осведомляется пограничник.

- «Стингер» в багажнике, - Орлов смотрит мимо молдаванина и протягивает из окна руку за документами.

Таможенник заглядывает в салон и тычет худым пальцем на мою бутылку.

- Что это?

- Контрабанда, - сплевывает Орлов на землю.

- Что это? - уже требовательней спрашивает молдаванин.

- Вино, - опасливо вмешиваюсь я и крепче прижимаю к себе бутылку. Черт их знает, что у этих молдаван на уме. - Хотите попробовать?

Пограничник возвращает документы. Бутылка спасена. Проехали. Цок-цок.

Я зол. Орлов мною манипулирует. Он играет на моих слабостях. Орлов свободен и доволен.

- Серега, прямая кишка - это первый тест на проверку интеллигентности человека. Стоит только наступить на прямую кишку...

- Ты провокатор, - перебиваю я Виталика, - как ты мог...

- Да не забрал бы он твою бутылку... Успокойся.

7-й километр. Окраина Одессы. Торговые флаги. Багинский почти в обмороке. Он диабетик, ему надо кушать по часам. Придорожная кафешка. Я зол.

- Есть будешь? - лениво оборачивается Орлов.

Есть хочется. Мы не завтракали. Хочется есть.

В кафешке все как положено. Железная труба для стриптизерши, сцена для «живой» музыки. В углу обшарпанный, выдавший виды «Стейнвей».

- Настоящий? - оборачиваюсь я к Виталику.

- Сейчас посмотрим.

Багинский разбирается в меню. Орлов зевает и заигрывает с какой-то толстой официанткой: «Какое фирменное блюдо? Кошка под шубой или собака в кляре?»

Хочется кушать. Перелистываю страницу в меню. Спиртное. Водка пяти сортов. Орлов прерывает ленивый диалог с официанткой.

- Водка вкусная?

- Нормальная, - официантка стыдливо прячет красные руки в передник.

Отбивные и эскалоп будут готовы через пять минут.

- Пойдем посмотрим, - кивает на «Стейнвей» Орлов.

Старый инструмент. Антикварный экземпляр. Клавиши - слоновая кость. Виталик стоит замороженный и гладит облезлую крышку рояля.

- Серега! Может, на нем играл сам Ференц Лист?

На внутренней стороне крышки стоит дата - 1899 год. Не хочу расстраивать Орлова. Рояль слишком молод для Листа. Молчу.

Виталик садится на обшарпанный стул. Звучит Прокофьев. Первая часть «Ромео и Джульетты». Сложная партия. Тонкие пальцы Орлова не гармонируют с огромным телом. «Стейнвей» хорошо настроен. Ми-бемоль-минор - основная тема. Шемящая грусть, торжество печали. Вечная история оборванной любви погружает в воспоминания.

Ей 22 - мне 15. Мои неумелые руки и бессвязные слова. Острое желание и опасность, что в комнату войдут родители...

Ми-бемоль-минор - торжественная, исцеляющая печаль. Это как слезы на похоронах. Надо плакать, чтоб не сойти с ума.

Орлов опускает руки и снимает свои «хамелеоны». Мы оборачиваемся. Возле нас вся команда. Повара и официанты столпились позади меня и не сводят глаз с Виталика. Грязные фартуки и халаты. Просветленные лица.

- Алло, народ! Где наши отбивные?

Официанты нехотя расходятся. Цок-цок.

Отбивная с кровью и сочится. Хорошо приготовленное мясо. Орлов хитро улыбается.

- Во всем нужно вдохновение. Не будет вдохновения - всем погибеть.

У нас еще треть бутылки «Первака». Багинский нервничает. Он уже все съел и тоскливо потягивает «Колу».

- У тебя цоканье особенно хорошо получается, - я уже перестал злиться. У меня в голове по-прежнему Прокофьев.

- А ты знаешь, как я экзамены в институт культуры сдавал?

- Ксилофон? На пустых бутылках цокал?

- Да нет. Послушай. Это целая история, почти легенда, - Орлов разливает по стаканам остатки «Первака».

- Какой экзамен?

- Специальность. Эй, дружище, - подзывает он официанта, - посчитайте.

Багинский забирает у меня пятерку и идет к игровому автомату. Нервничает.

- Захожу в аудиторию...

- А ты после армии поступал?

- Ну да. Дак вот, сидят персонажи. Комиссия. Семь человек. Наши люди. Список Шиндлера. Клювы, как у грифов, картавят по-породистому. Наши люди. «Ну-с, сыграйте нам что-нибудь из простой формы».

- Это как?

- Одночастная форма. Долго объяснять. Дело не в этом. В общем, беру скрипку и играю кабацкий вариант «Семь-сорок». У них очки сползают. Смотрю, шушукаются. «А он таки прав. Действительно, простая форма». Смотрю, потеплели и с интересом меня наблюдают. «Ну, а теперь, молодое дарование, дайте нам сложную форму».

- Это как?

- Трехчастная форма.

- Как это?

- Да какая тебе разница. Дело не в этом...

- Я тебе про археологию все объясняю.

Орлов смотрит на меня устало.

- Ну что, прямо сейчас весь курс сольфеджио рассказывать? Все равно не

поймешь.

- Ну ладно. Что дальше?

Орлов поднимается и подходит к «Стейнвею».

- Смотрю на этих персонажей и играю «Хава нагилу». Они чуть со стульев не попадали. Представляешь, в совдеповские времена сбавать на вступительном экзамене «Хава нагилу», в которой «Плач Израиля» - центральная тема.

- Ну, и что?

- Опять шушукаются. На глазах чуть ли не слезы. «А он таки прав, действительно сложная форма». В общем, поступил в институт в первых рядах. Надо уважать публику, Серега.

- Надо было бы тебе из уважения «Хорста Весселя» сбавать для них, - перебиваю я Орлова. - А как звучит «Хава нагила»?

Орлов открывает крышку рояля, и по кафешке разносится древняя, как мир, еврейская мелодия. Цок-цок.

На Куяльническом повороте голосует молоденькая девица. Тонкое пальто. Голова зябко втянута в плечи. В руках маленькая сумочка. Высокие сапоги постукивают друг о друга. Танец ожидания. Цок-цок. Холодно.

- Подберем?

- Давай. Простудится.

- «...тетки-плавали-в-пруду-простудили-ерунду», - на мотив частушки мурлыкает Багинский.

Останавливаемся. С лимана пронзительный ветер. Лицо у девицы почти синее.

- Куда стремимся? - открывает окно Виталик.

- Услуги нужны?

- Какие?

- Женские.

- Ах вот вы о чем, - задумчиво рассматривает барышню Орлов. Открывает бардачок и протягивает девице банан. - Возьмите, утешьтесь на досуге. Поехали.

На спидометре опять сотка. Цок-цок.

- Зачем ты ее так? - я возвращаю Орлову пластмассовый стаканчик. - Это тяжелый труд...

Орлов молчит и смотрит на дорогу.

- Труд карманника и бандита тоже не легкий, - он затягивается сигаретой. - И, вообще, нам с ней не по дороге... Нет нужды в услугах...

- Не любишь ты женский труд, - лениво достаю я Виталика.

- Это не труд, а трудовой досуг, от которого возникает досуговая усталость. А я не хочу усталости. Надо все делать без усталости, как мы, цок-цок, цок-цок, без

фанатизма.

Разговор перешел на «скользкую» тему о барышнях. Постепенно выясняется, что возраст, красота, внешние формы и род занятий женщины - не имеют у музыкантов определяющего значения. Главными критериями качественных характеристик представителей противоположного пола выступают два основных признака: лагидность и стервозность.

- ...и старушка предпенсионного возраста может быть сексуально привлекательна, - закуривает сигарету Багинский, - а двадцатилетняя тетка - омерзительна в своей стервозности...

- Да ты геронтофил, батенька...

Я смотрю на дорогу. Излучина Куяльницкого лимана. Ветрено. Пол-Одессы собралось со спиннингами и закидушками на узкой дамбе. Идет лобанчик. Мужчины ловят, женщины продают прямо на трассе.

- При чем тут геронтофил? - не может успокоиться Багинский. - Эгоизм у теток проявляется в стервозности...

- Ну-ка, тормозни. Давай спросим, почем. - Орлов выходит и долго торгуется с какой-то молодухой. Покупает низку лобанчика («дома пожарим»). Влезает в салон.

- А Багинский прав, Серега, - без подготовки вклинивается Виталик. - В институте у нас на вахте сидели тетки разного возраста. Самые стервозные - молодые. Старушки нас всегда жалели и покрывали...

- Это у них просто материнский инстинкт...

- Да нет, вероятно, поколение другое. Войну пережили и все такое, а молодняк, - Орлов затягивается сигаретой, - сплошные стервы. Помнишь, Вован, на втором курсе, - оборачивается он к Багинскому, - сидела у нас на вахте стерва?

- А как же, - тихо улыбается Багинский, - знаменитая история. Расскажи Сереге.

- Подожди, сначала главное, - Орлов разливает по стаканчикам водку. Неровная дорога. Водка проливается на панель. - Да сбрось ты скорость. Неудобно.

Цок-цок.

На спидометре по-прежнему сотка. Багинский и не думает сбрасывать скорость. Нервничает. Орлов протягивает мне яблоко.

- Дак что там за история?

- История отвальная, - оборачивается Виталик, - сидела у нас в институте на вахте обыкновенная вроде бы девица. Или по недотраханности своей, или, просто, из николаевского жлобства, мужиков доставала постоянно. Стучала на пьяных и опоздавших, ну все такое... И вот, представляешь, Серега, большая перемена, между второй и третьей парой, апрель, теплынь, каштаны цветут. Все вываливают на Декабристов покурить. Попить пивка в «Волге», ну все такое. И вдруг

слышу сквозь шум толпы истерический, злорадный такой крик: «Орло-ов! Орло-о-ов!». Все притихли. Полный двор народу. Человек триста, как на митинге. Выходит эта тетка на крыльцо главного входа с какой-то бумажкой: «Вам повестка из кожно-венерического диспансера. Если сами не придете, будете доставлены милицией...». Все притихли и смотрят на меня. Представляешь? Хотел подойти, сразу дать ей «ляща» по заднице... Багинский удержал. Выперли бы из института...

- Ну и что?

- Что-что. Мне потом года два никто не давал...

- А повестка?

- Повестка - полная лажа. Какая-то барышня с перепугу, на фонарь, наговорила кучу знакомых фамилий-контактеров. Я оказался совершенно ни при чем. В повестке было штук двадцать фамилий, но выкрикивала только мою. Вот так. Вот так. Стерва.

Коблево. Закуски валом. Спиртное есть. На рынке можно не останавливаться. Цок-цок.

Я задремал на заднем сиденье. Бутыл с вином приятной тяжестью наваливаются на ноги. Тихий плеск розовой жидкости вниз, как летняя волна на лимане. Здорово.

- Вставай, Серега, приехали.

Николаев. Большая Морская. Серое небо и грязные стены домов. Мелкий дождь. Редкие прохожие. Тоскливо. Цок-цок.

Въезжаем на территорию цирка. Вова Алексеев, бригадир грузчиков, - никакой. Тыняется по площадке, наверное, «на груди» уже больше литра. Останавливается и «наводит резкость» на наш «мерс». Качается.

- Вова! Ты опять до обеда набрался? - Орлов вылезает из машины и укоризненно рассматривает бригадира.

- Вячеславович... ни грамма, - разводит руками Вова.

Все как всегда. Здравствуй, Николаев. Цок-цок.

В "Ариадне"

Мы сидим в «Ариадне». «Ариадна» - это кафешка на площади Победы рядом с остановкой. Тут комфортно. Спиртное, большой выбор закуски. Барменша приветливая. Орлов познакомил с девочками, которые здесь работают, и у меня появился неограниченный кредит. Здорово. Цок-цок.

- Серега, напомни мне про Ариадну, - Орлов поддевает вилкой маслину, - это что, созвездие?

- Нет. Это из греческой мифологии.

Мне покойно. Сегодня, наконец-то, уезжаем в Аккерман. За два дня успел снять квартиру в старом доме на углу Садовой и Чигрина. Осталось добить курган и написать отчет. Скоро Новый год. Ощущение праздника, как в детстве. В «Ариадне» маленькая елка на прилавке. Под потолком блестящие нитки дождя и снега из ваты. Кафешка не отапливается. Цок-цок.

- Ариадна - символ обжитости пространства. Боги поселили человека на Землю и заставили осваивать самые дальние уголки ойкумены. Ариадна. Нить судьбы. Уверенность, что боги не оставят в беде. Фатальность предопределенности бытия.

- А конкретно? - затягивается сигаретой Орлов. - Что значит «нить Ариадны»?

Я оглядываюсь по сторонам. Несмотря на ранний час, все столики заняты. Публика постоянная. Наши люди. Персонажи. Все синие. Мы с Орловым выглядим лучше всех. Это радует. В трех словах пересказываю легенду о Минотавре и лабиринте, об успехе античного героя.

- Ага, вспомнил, братья Вайнеры, «Визит к Минотавру».

Мне не нравится это осовременивание. Стирается нежная романтика мифа.

- Ты бы никогда без спиртного не выбрался из лабиринта.

- А я бы туда и не пошел.

- Ну да, в кафешке сидеть удобнее.

- Дело не в этом, - тушит сигарету Орлов, - подождет бы у входа. Чудовище все равно бы вылезло. Проголодалось и вылезло.

- Ты рассуждаешь не как герой, а как охотник. Подождать. Подкараулить. А подвиг? А преодоление трудностей?

- Зачем?

- Ну чтоб остаться в веках. Назидание потомкам.

- Плохая педагогика. Фанатизм сплошной.

Цок-цок.

- Кстати, - улыбается Орлов, - насчет того, чтоб подождать. Подождать иногда полезно.

- Ты о чем?

Орлов набирает на мобильнике номер. Звонит Багинскому. Сегодня никуда не едем. Надо подождать. Дела в городе. Настроение портится. Цок-цок.

В "Бомбее"

Я летаю на дельтоплане. Многомерный сон нетрезвого человека. Работает подсознание. Если ребенок во сне летает - значит растет. Но я ведь не ребенок. Зачем я летаю? Внизу городок «Сказка», чуть дальше старый ж/д вокзал, совсем рядом родная «Канава». Вдали шапито. Музыка. Цирк приехал.

Телефонный звонок. Паршивая тональность. Орлов.

- Сколько можно храповнического давать... жди в двенадцать в «Бомбее».

За окном хмурое утро. Николаевская зима. Тоскливо зимой в казарме. На площади Победы - «Бомбей». «Бомбей», «Манхеттен», «Калифорния» - география николаевских забегаловок. Претензии провинциального города на цивилизацию. Грустно.

Зимняя сырость лезет в рукава и под воротник. Мне зябко. Похмелье не делает утро радостным. Маршрутка тормозит на площади Победы возле книжного лотка. Развалы комиссионной литературы закрыты мутной полиэтиленовой пленкой. Моросит дождь. Останавливаюсь. На самом краю прилавка - «История русского драматического театра». Шесть томов. Добротное академическое издание. Все о театре. От скоморохов до Станиславского. Про Николаев целых семнадцать страниц. 20 гривень. Цена макулатуры. Легко расstaюсь с деньгами.

«Бомбей» безлюден. Мало охотников сидеть зимой в летней кафешке. Орлов опаздывает. Придется с утра пить. Сто граммов водки делают мир приветливей.

В середине третьего тома - целый раздел о театральном Николаеве 19 века. Типичная история антрепренерского вероломства, директорской скупости и актерской склоки. История провинциального чванства и ханжества.

Собственной труппы у города нет. Морское ведомство скупо на зрелища, а муниципальная казна бедна. Приходится терпеть гастролеров. В городе два театра: у Русинова на Рождественской и у Миллера на углу Московской и Никольской. Унылая архитектура. Серый колер неправильного куба напоминает портовый пакауз.

1873 год. Труппа из Киева отличилась. Хороший репертуар. Шекспир, Эсхил, Бомарше. Дорогие костюмы и декорации. Переаншлаг. Полные сборы. Билеты проданы за две недели вперед. В разгар контрактного сезона антрепренер забирает всю кассу и вместе с «примой» исчезает в неизвестном направлении. Труппа дорабатывает сезон без «примы», меняет по ходу репертуар, ставят «сырые» премьеры. Оборотных средств нет. Последние представления проходят в пустом зале. Под занавес продают часть декораций, чтоб рассчитаться за аренду... Веселый бизнес.

Через четыре года тоже интересная история. Приехала труппа из Симферополя - беднее и классом пониже. Промучалась в Николаеве две недели. Антрепренер скуп и экономит на всем. Актеры голодны и оборваны. Декорации скверные. Скупость симферопольского антрепренера вошла в историю театрального искусства. Ставят Шекспира. На репетиции выясняется, что нет топора, чтобы отрубить голову Марии Стюарт. Бегом к директору... Надо купить топоров в скобяной лавке... «А вы ее из ружья застрелите...» - заявляет последний.

В солидном академическом издании две страницы посвящены актерским склокам и интригам.

- Привет. Сегодня у нас интеллектуальная закуска? - Орлов устраивается напротив и берет верхний том.

- Что это?

- Шоу-бизнес в прошлом веке.

- Два по сто, - подзывает Виталик официанта. - Занимательное чтение?

- Криминальное.

- Воруют?

- Воруют, стучат, кидают... Джентльменский набор.

- Провокационная среда, - затягивается сигаретой Орлов, - живые деньги портят слабых...

- Николаевских жлобов?

- Всех. Одесских, херсонских, киевских... Ну, будем.

Цок-цок.

Летняя кафешка постепенно заполняется народом. Сбоку разожгли мангал, соблазнительно запахло шашлыками.

- Думаешь, у меня не воровали?

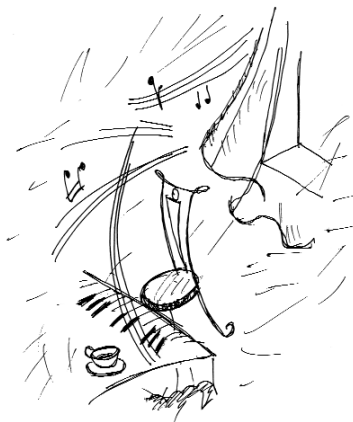
- Водку из холодильника?..

- Ну, водку не водку, а со спиртным была связана неприятная история. - Орлов задумался и стал вертеть в руках пластмассовый стаканчик.

- Какая?

- Банальная.

Лет шесть назад приезжает ко мне киевская труппа. Львы, леопарды, волки, медведи, ну, в общем, полный набор. Директор, вроде, ничего. Нормальный парень. Подписываем договор. Все в порядке, ударили по рукам. Надо вспрыснуть сделку. Послал гонца на рынок... Ну, выпить, покушать, все такое... Смот-

рю, он как-то мнется, руками дипломат тербит. Что-то не так. Начинает лениво отказываться. С трудом уговорил его чисто символически бахнуть, без фанатизма...

- Это как? На два дня? Десь на тыждэнь?

- Да нет. Флакон на двоих, чтоб детали по гастролям уточнить.

- Уточнили?

- Уточнили. На следующий день он исчез вместе с кассой. С чемоданом денег.

- В городе пропал?

- Да нет. Обзвонили все вырезвители, морги, больницы... Нет нигде. Животные голодные. Лошадей и верблюдов отправили на газон пастись, а хищники? Они голодные не работают. Представляешь, три с половиной тысячи зрителей, и каждый - потенциальное блюдо.

Орлов задумчиво скребет бороду и вытряхивает из пачки последнюю сигарету.

- Проходит два дня. Нету парня. Уже и ментов подключили. Хищники жрать хотят. Денег у меня нет. Ситуация безвыходная. Парень пропал. Убили? Ограбили?

- Неизвестно. Быстренько распихал всю трупку мелкими партиями, по Коблевам, по Черноморкам всяким, в общем, по базам отдыха, чтоб хоть как-то прокормились на частных представлениях. Оставил в Николаеве одних медведей. Они на велосипедах катались в соседнем Луна-парке. Кормил их рыбой. Вот так вот.

Орлов идет к мангалу и возвращается с двумя шашлыками и маленькой бутылкой «Первака».

- А мужик объявился?

- Да объявился. Оказывается, в бессознательном состоянии сел и уехал поездом в Киев. Там неделю пробыл в «штопоре». Очнулся и вернулся в Николаев.

- С деньгами?

- Ну да.

- Норма-а-ально.

- Оказывается, для него двести граммов спиртного - это фанатизм. Поэтому он и отказывался. А вообще, неплохой парень. Вот только спиртное...

- Ну да. У тебя в него все упирается.

- Не упирается, а сопровождает. Кстати, циркачи все пьют... Иногда с фанатизмом.

Цок-цок. Подходит босой, не по-зимнему, мальчишка-туркмен. Орлов дает мелочь.

- В общем, эта неделя - мои вырванные годы.

- Постарел?

- Постарел. Попробуй не постареть, когда на тебе висит куча голодных хищников, а верблюды с ламами разгуливают в центре города, как по африканскому базару. А тут еще с медведями проблемы ежедневные...

- Какие проблемы?

- Ты не поверишь - педагогические.

Кафешка продолжает заполняться народом. Корабел подходит греться. Холодно. Раскланиваемся со знакомыми персонажами. Цок-цок.

- Опять нравственность или спиртное?

- Спиртное, как всегда.

- Нет, Виталик, пьющий медведь - банальная находка сценариста в «Национальной охоте». Медведи водку не пьют - высокая плотность у напитка. Обезьяны пьют...

- Да не медведи, - перебивает меня Орлов, - дрессировщики пьют. Этот мужик с медведями, которые катались на велосипедах, здоровый такой бычок, ну, знаешь, из этих... из качков. После выступления заводил их во внутренний двор и устраивал разбор полетов. Бил кулаками, как боксерскую грушу, как людей бьют в голливудских фильмах...

- И что, они не могли ему ответить?

- Не могли. Цирковой медведь одомашнен. Он тонкоорганизованная натура. Если его с малолетства лупят, - это становится для него единственно правильной реальностью, другой он просто не знает.

- Скотина...

- Не то слово. Медведи плачут и стонут, как люди. Я до поры до времени не вмешивался. У него одни самцы работали... Жалко было мужиков. А он как напьется, так звереет.

Звонит мобильник. Орлов смотрит на дисплей и отключает телефон. Не хочет говорить с кем-то.

- Ну и что?

- Что-что. В один прекрасный день он принял на грудь литра полтора и устроил жестокий разбор полетов. С фанатизмом. И, естественно, медвежье терпение кончилось. Может быть, инстинкт самосохранения включился.

- В общем, не выдержал Петр - самый крупный самец. Добродушный такой парень. Из моих рук сахар брал.

- Неужели ответил?!

- Нет, они его боялись, как черт лаdana. Он их лупил во внутреннем дворике. С одной стороны стояли их вагончики, а с другой - легкий переносной заборчик. В общем, Петруха не выдерживает, сносит забор и на задних лапах бежит к камерам хранения. Бежит быстро. Схватился передними лапами за голову, мотает ею и кричит человеческим голосом: «Ох!-Ох!-Ох!». Торговок как ветром сдуло. Побросали товар и закрылись в камерах. Двое водил под «КамАЗом» лежали, что-то крутили там, в мгновение ока взлетели в кабину и давай стекла задраивать. А медведь, ошалевший от боли, залетает в мужской туалет и продолжает орать. Представляешь, что началось на площадке?! Торговки визжат в камерах, мужики со спущенными штанами по газону бегают, ну все такое, - Орлов затягивается сигаретой. - А тут еще двое самцов выкатились и тоже плачут, как люди... В общем, насилие водворили их в вольер.

- Не поверишь, Серега, глаза заплыли у медведей, губы разбиты, кровь капает. Все, как у людей. Только синяков нет.

- А мужик?

- Что - мужик. Принял на грудь еще стакан, пнул Петруху ногой и пошел спать.

- Нормально... С чувством выполненного долга...

- Я, конечно, на следующий день отвел его к самолету в укромное место и устроил самому разбор полетов...

- Помогло?

- Нет. Все равно лупил парней. Без фанатизма, правда, звериную натуру не переделаешь. Ну, давай.

Цок-цок.

Орлов оборачивается к знакомой семейной паре за соседним столом. Неспешная беседа о делах текущих. Вежливые вопросы. Тихие ответы.

«Бомбей» уже полностью забит народом. Популярная кафешка. Вид на площадь Победы. Памятник Победе. Уродливая стела с орденом наверху. Образчик социалистического конструктивизма. Народ мимо торопится домой.

Мне тепло и покойно. Город уже не кажется серым. Барышни, опять же, стали красивей.

- А зачем мы собрались? - трогаю я за рукав Виталика.

- Завтра с утра едем в Аккерман, - отвлекается Орлов и опять оборачивается к семейной паре.

Класс! Здорово! Настроение вообще налаживается.

- Серега, - отвлекается Орлов, - не в службу, а в дружбу. Еще спиртного и четыре шашлыка.

Виталик знакомит меня с семейной парой, и мои книги перемещаются к ним за стол.

Шашлыки надо ждать минут двадцать. Народу много. Четвертый час, и уже темнеет. Семейная пара извиняется. Надо забирать дочку из школы. Школа на Китобоев. Наркоманский район. Совсем плохой район. Эх, Николаев, Николаев. Прощаемся. Цок-цок.

- Легендарная семейка, - кивает им вслед Орлов. - Знаешь, как они познакомились?

- Как?

- Ехал чужак вместе со мной на поезде в Одессу из Крыма. Ну, по своим делам командировочным. Вышел на старом ж/д вокзале. Ну, перекусить, сотку-другую накатить. Ну, как все командировочные. Разговорился с официанткой и... остался у нее на 25 лет...

- К спиртному поближе?

- Да, вроде, нет. Крепкая семья. Уже внуки есть. Карьеру сделал в каком-то институте.

Принесли шашлыки и спиртное. Шашлык совершенно николаевский. Бледная пародия на грузинскую кухню. Тощая свинья с трудом закрывает шампур. Цок-цок.

- А ты знаешь, как я в Николаеве оказался? - Орлов брезгливо отодвигает начатый шашлык.

- Нетрудно догадаться...

- Догадайся, поимпровизируй.

- Запросто. Ехал из армии домой. В купе - цок-цок. Вышел в Николаеве. Водка понравилась. Вкусная. Вот и прикипел.

- Неправильный ответ, - чиркает зажигалкой Орлов. - То, что из армии ехал, - это точно. В кармане куча направлений из воинской части.

- Каких направлений?

- Ну, на эти, как их там... подготовительные отделения. В «патрисалумумбу», в московский нархоз имени Плеханова, еще куда-то в престижное место. В общем, все такое... Выхожу на вокзале пивка попить. Смотрю, на столбе афиша из института культуры. Мол, набираем, обучаем и все такое. В общем, не доехал до Москвы. Долго плутал по городу, искал главный корпус на Декабристов.

Орлов разливает по стаканчикам остатки спиртного.

- Зря ты не поехал в «патрисалумумбу», - лениво вмешиваюсь я, - стал бы атташе по культуре в посольстве какой-нибудь каннибальской державы. Играл бы на своей скрипочке что-нибудь романтическое для людоедов.

- Вот-вот. Лучше для корабела «семь-сорок» на свадьбе...

- Сразу поступил?

- Ну да. С Багинским сразу поступили.

- Приходим в деканат, поселяться в общагу. Оказывается, мест уже нет. Поздно приехали. Вернее, есть места, но только в общежитии на Парижской Коммуны. Там одни библиотекари. В общем, женская общага. Комендантша оформляет документы. Лекция минут на двадцать о правилах поведения в социалистическом общежитии... ну, все такое. «У нас одни девушки, смотрите, чтоб без эксцессов... Сразу выгоним», ну, все такое. Мы с Багинским клянемся, крепное знамение на груди чертим и все такое, что мы люди искусства, что мы не такие...

- Ну и что?

- Что-что. Мы с Багинским после армии... два года воздержания... и в женскую общагу. Сам понимаешь. С социализмом у нас стало все в порядке сразу. Хорошее время молодость. Свежее восприятие мира.

Орлову надо выгуливать Мамаю. Я уже далеко не трезв. Выпить хочется еще. Ну, на коня. Цок-цок.

Завтра в Аккерман. Нужно выспаться.

Аккерман-7

До Нового года две недели. Тепло. Синоптики называют это декабрьскими

«окнами». Если будет на пару градусов теплей, то деревья выйдут из комы.

Мы заканчиваем последний курган в Бессарабии. Осталось всего три погребения. Тепло.

У Макарона кончилось в подвале вино, и в дело пошла его заначка. Вино, изготовленное из ворованного винограда, кажется вкусней. Преступное происхождение напитка делает его совсем аккерманским. Если бы виноград был честно куплен в колхозе, вино было бы другим, рафинированным, без вольного аромата опасности...

- А ты думаешь, почему народ уклоняется от налогов? - лениво перебивает меня Володя. - Из-за жлобства? Черта с два. Очень часто это спорт. Состязание с государством, ради этого самого, как его... «аромата опасности».

Наши рабочие копают пятно необычной формы. Оно похоже очертаниями на восьмерку с расходящимися в сторону лучами. Пятно глубокое. Прошли уже 2,5 метра, а придонным слоем не пахнет.

Мы сидим на бровке. Я, Макарон и Вова. Лицом к Овидиополю, спиной к раскопу. Макарон, со спокойствием индейского вождя, слушает наш пьяный бред. У нас еще почти целый буркан вина. Здорово.

- Не знаю, как там насчет налогов, - развиваю я тему, - а ворованная курица жестче, чем честно приобретенная.

- Ты перепутал ворованную с нетоптаной...

- Тебя клинит на сексе...

- Ну да, - вздыхает Вова, - я же не торчу в Николаеве по неделе...

Действительно, вместо двух дней пришлось проторчать с Орловым в городе почти неделю. Вова здесь совсем заскучал.

- И еще, - вспоминаю я, - чтобы куст розы прижился у тебя на клумбе - надо его обязательно спереть ночью у соседа...

Мы закусуваем яблоками. «Зимний кальвин» - поздний сорт. Хранится в погребе до следующего урожая и не портится. Макарону надоело наше пьяное умничанье и он идет к своим хлопцам.

- А воровство невесты? - не унимается Вова.

- Не воровство, а умыкание... - я совсем уже пьян. Овидиополь мутнеет у меня в глазах. Хочется прилечь.

- Чтобы невеста прижилась - надо спереть ее у соседей, - я проваливаюсь в темноту.

Мне бредится детство. Шестой класс. Я в школе новенький. Продвинутые одноклассники пишат «паркерами» с золотым пером. Я со своей дешевой шариковой ручкой чувствую себя ущербным. Ночью пробираюсь в отцовский кабинет. Шарю худой дрожащей рукой в верхнем ящике старого стола. Детское сердце колотится, как у пойманного голубя. Вот она! В руке у меня заветный «паркер». Криминальная инициация. Укоризненное молчание родителей. Я стал

своим в школьной стае, но радости это не принесло...

- Эй, начальничек, - тербит меня за плечо Володя, - вставай. Возглавишь криминальную бригаду...

- Что такое? - у меня во рту сухость. И нету резкости в глазах. - Вино еще осталось?

- Только без фанатизма, - Вова протягивает мне запотевший буркан и пол-яблока.

Зрение налаживается, сухость во рту исчезает. Первая сигарета окончательно возвращает к жизни.

- Что там такое?

- Идем, сейчас почувствуешь себя комиссаром полиции в дежурной группе на выезде.

Да, так и есть. Странное очертание пятна объясняется просто. Наткнулись на грабительский ход. В обход каменного заклада прослеживается тоннель. В тоннеле в скрюченном положении «взвешенный» костяк. Осторожно зачищаем его. Молодой мужчина, почти подросток. Вероятно, худой и щуплый. Специально скроен для узкого грабительского хода. Фаланги пальцев на руках и ногах отсутствуют, растасканы мелкими грызунами. В черепе зияет аккуратная треугольная дыра. След предательского удара. В глазах встает заключительная картина трагедии.

Смерть знатного общинника - это всегда хлопоты. Надо вырыть примитивными заступами в жесткой земле трехметровый склеп с двумя камерами. Копать надо быстро. Поэтому в сооружении склепа участвует множество народа. Надо заготовить камень, чтобы перекрыть свод и защитить усопшего от грабителей. Надо подготовиться к тризне. Надо подобрать посуду, оружие, деньги, украшения - все, что необходимо воину в другой, настоящей жизни. Надо принести жертву Зевсу и Аиду. Надо, надо и надо. Все, как сегодня. Умирать - дорогое удовольствие.

И вот вырыт склеп. Совершен обряд погребения. Каменными плитами перекрыт свод. Сверху насыпан курган. Отплакали плакальщицы. Совершена тризна. Выпито вино и съеден жертвенный барашек. Богам заплачено сполна.

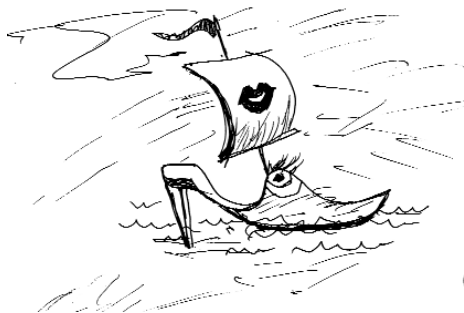
На кургане поставлена охрана. Жизнь идет своим чередом. В общине кто-то рождается и умирает. Память о знатном покойнике тускнеет, и в родовых тризнах его имя упоминается все реже и реже. Изобильные годы сменяют голодные и неурожайные. Надо выживать.

Голодный мозг воскрешает в памяти богатые украшения и посуду, которая осталась в склепе. Голод заставляет перебороть животный страх перед божественной карой.

Ночью, сменяя друг друга, при свете луны, роется узкая крысиная нора. В нее

может влезть только худой подросток. Взрослые с факелом наверху ждут мальчишку.

В склепе страшно. Тусклый свет масляного светильника уверенности не при-

бавляет. Трупные газы. Слизкое разложившееся тело. Надо снимать украшения и оружие, собирать посуду. Решение приходит мгновенно. Куски распадающегося тела вместе с украшениями, оружием, посудой и землей сгребаются в кожаный мешок. Не хватает воздуха, надо вылезать. Вперед мешок и... и хотя бы глоток свежего воздуха... Удар. Все темнеет. Мозолистые руки торопливо зарывают крысиную нору, заматавая преступные следы. Тщательно утрамбовав насыпь, две взрослые фигуры с мешком в руках удаляются с кургана в сторону Тиры. Завтра торговый день. Ночная добыча будет обменена на звонкую монету. Семья переживет голодный год... Занавес. Все.

Опять открытые рты, опять пытливые бессарабские глаза, опять все ждут продолжения сказки.

- Что уставились? Без вина говорить не буду.

Макарон протягивает Блинчику помятую пластмассовую бутылку - «Вперед!». Здорово! Жизнь налаживается.

Опять «все украдено до нас», опять «мимо кассы», как говорит Орлов.

- Ты ж сам говорил, - прерывает мои мысли Вова, - что самое главное в археологии - это статистика.

Статистика, конечно, важна, но все равно грустно.

- У нас в селе года четыре назад, - прикуривает сигаретку Макарон, - случай показательный произошел на кладбище.

Он достает из заднего кармана джинсов плоскую флягу и неторопливо открывает пробку.

- Какой случай?

- Это коньяк, - отхлебывает Макарон из фляги и протягивает мне. - Хорони-

ли здесь одного цыганского барона. Народу валом. Цыгане со всей Бессарабии. Гроб во дворе стоит. Народ подходит попрощаться с покойным и кладут в гроб баксы. Кто сколько может. Ну, как ты говоришь, чтоб парень там ни в чем не нуждался. Короче, напихали ему долларов под завязку, крышку с трудом закрыли. Закопали, как положено. Сразу памятник, забор, цветы, все как надо. И уехали пьянствовать на поминки в село. Приходят под утро: памятник свален, могила раскопана, гроб раскрыт. Долларов нет. Вот так.

- Ну и что?

- Ничего.

- А менты?

- А зачем менты? Цыгане сами нашли грабителей. И ходят слухи, что барон лежит с долларами и не один. Его сопровождают в другом мире пара лакеев. Вот так.

Прибежал Блинчик с вином. Цок-цок. Жизнь налаживается.

Прошло уже четыре месяца нашей Бессарабской экспедиции. Мы не приедем. Нами продолжают интересоваться. На раскоп приходят местные жители. Учителя, агрономы, пастухи... Мне досадно, что я не успеваю записывать все предания и легенды провинциальной Бессарабии, которыми изобилуют наши диалоги. Очень досадно... Уже совсем холодно, и я под вечер бываю часто пьян. Не успеваю записывать, а жаль. Назавтра похмельный синдром стирает нежный эпителий народной исторической памяти. Жаль... Остаются обрывки рассказов о жизни села «под румынами». Сюжеты этих историй у меня почти все выветрились, остался только рефрен: «часто и больно пороли за каждую провинность...».

При румынах в Аккермане не голодали, как позднее при совдепии, но... чувство унижения и правовой ущербности пронесено через три поколения бессарабского народа. Вот так.

На раскоп люди приходят каждый день. Мы с Вовой устали от этих бесконечных экскурсий, и теперь наших посетителей отправляем прямо к Макарону, который лениво вешает всем на уши лапшу. Ему верят. Он свой.

Вечером Оксана Андреевна «радует» сообщением. Нас завтра, после утренней службы приглашает местный поп. Настоятель храма Св. Николая, той самой церкви, где венчался Микола Джеря. Нам не хочется с похмельного утра беседы беседовать с батюшкой.

- Может, вечером пойдем, - осторожно пытается отказаться Вова, - вечером сподручней...

- Идите, а то проклянет, - обрывает его Оксана Андреевна.

Ладно, ничего не поделаешь. Придется тащиться в церковь. Цок-цок. Еще

день прошел.

Храм Св. Николая имеет совсем стандартную биографию. Построен во второй половине XVIII века на средства прихожан, разбогатевших на протекционистских мероприятиях хлебной торговли, через которые Порта хотела на равных конкурировать с Венецией.

Сельский приход процветал вплоть до русско-турецких войн, но потом захирел после массового оттока населения в спокойные края. Затем, при румынах, храм опять обновили, но не надолго. Пришли большевики и все поставили на свои места. Церковь сначала закрыли, предварительно устроив во дворе костер из икон. После этого превратили в угольный склад, затем в пункт приема стеклотары... Череду превращений провела храм через спортивный зал, кинотеатр, сельский клуб и дискотеку. Реанимация произошла в перестройку. Измученное здание отдали вновь сельскому приходу. Храм еще болеет, поэтому ему трудно окончательно оправиться после пыток.

На стенах сплошная эклектика. Иконы XVIII века. Глубокое масло. Дореформенный канон. Из темноты ободряющие взгляды святых и пронзительные - великомучеников. Добыча аккерманской таможни.

В притворе отталкивающий авангард. Микола Зимний недоверчиво обозревает селян на фоне многоэтажных домов. Здесь же рядом примитивные украинские «распашонки», которые писались после пятого стакана провинциальными монахами.

Все иконы без окладов. Купол в лесах. Наносят грунт под роспись. Храм медленно, но выздоравливает.

Отец Василий заканчивает утреннюю службу. Человек пятнадцать бабок выстроились в очередь за благословением.

Мы с Вовой стоим в углу и наблюдаем.

- Быстро он, однако, закрутился, - ворчит Вова.

- Все правильно. Без фанатизма.

Бабки потянулись к выходу, оставляя на столе нехитрые бессарабские подношения.

- Надо пойти купить свечку, - напоминает Вова.

- Зачем? Подарим ему Псалтырь.

У меня в руках завернутый в газету старый Псалтырь, издания 1886 г. Купили на блошином рынке в Аккермане.

- Давай купим, - настаивает Володя. - При чем тут Псалтырь?

Идем к старушке, которая торгует иконами и свечами. Купили. Стоим и по-дилетантски оглядываемся. Перед каким образом ставить?

- Пойдем к Божьей Матери, - предлагает Вова.

Я оглядываюсь по сторонам. Слева от меня изображение какой-то сельской девчонки. Вверху подпись: «Св. вмч. Татьяна». Святая великомученица с очень

добрым лицом и совсем не похожа на мою благоверную... Вздыхаю и водружаю свечу перед иконой...

- Хлопцы, где вы там пропали?

Оглядываемся. Батюшка приветливо машет нам рукой из дальнего угла.

- Пойдемте, завтрак остынет.

Заходим в подсобное помещение. Здравуемся по-светски, за руку. Представляемся.

Обстановка у батюшки совсем аскетическая. Деревянный стол, лавки с двух сторон. Книжный шкаф с церковной литературой. На стене совершенно авангардная икона - Святой Николай на фоне современного пассажирского лайнера.

Бойкая старушка накрывает на стол. Бессарабская пища. В центре запотевший графинчик с вином. Мы с Вовой приободряемся. Бабуля кладет на скамейку три белоснежных рушника и отходит в сторону.

- Присаживайтесь, панове, - приглашает широким жестом батюшка, - что Бог послал, тому и рады. А ты ступай с Богом, Зинаида.

Бабуля незаметно исчезает. Отец Василий крестится и бормочет «Отче наш». Мы с Вовой тоже послушно шевелим губами.

Садимся за стол. Батюшка снимает с себя церковное облачение и остается... в короткой тельняшке. На правом плече татуировка: якорь, «Тихоокеанский флот», ДМБ-64.

- Что, гробокопатели? Какие вести с полей?

Мы с Вовой замерли. Оправдываются самые худшие наши предположения.

- Батюшка, - робко вставляет Володя, - никакого святотатства. Одна наука...

- Да знаю я, - машет на нас брынзой отец Василий, - я не о том. Дикари есть?

- Это какие?

- Ну, нечеловеки.

Мы с Володей решительно ничего не понимаем.

- Ну, нелюди.

- Это какие? Пришлые?

- Нет, хлопцы. Вы меня совсем за идиота держите...

- Нет, мы, действительно, не понимаем...

Отец Василий пристально оглядывает нас. Мы, действительно, его не понимаем. Похоже, что он верит нам.

- Вот вы мне, как специалисты, разъясните, - отец Василий отхлебывает из бокала глоток вина, морской якорь на плече раздраженно шевелится. - Человек из обезьяны произошел?

Батюшка наклонил голову и обсасывает куриную ножку. Мы с Вовой напряжены, со стаканчиками в руках и не можем выпить. Точно, проклянет. Права Оксана Андреевна. Пауза затягивается. Батюшка досасывает ножку.

И тут, как в минуту опасности, меня отпускает. Я злюсь. Не хватало еще, чтобы меня какой-то провинциальный поп «строил».

Вообще-то я совсем не сторонник теории трудового антропогенеза товарища Энгельса. По юности своей даже страдал из-за этого. Два раза сдавал экзамен по этнографии. (Почти диссидент).

Действительно, виноват, что ли, я, если кроме нас на Земле еще живут два вида людей? Именно людей. Ну что, виноват я, если бушмены и тасманийцы говорят не на выдохе, а на вдохе? Виноват я, если у них член «стоит» 24 часа в сутки? И при чем здесь Энгельс, если тасманийские и бушменские женщины в сытые годы откладывают на ягодицах запасы жира, чтобы использовать его в голодный период*.

Я злюсь. Пауза затягивается. Батюшка уставился на меня своими крупными глазами.

- Выпить можно? - злюсь я.

Батюшка машет вилкой. Вова успокаивается. Отдуваться сегодня придется мне.

Пью и закусываю. Классное вино, отменная брынза.

- От обезьяны, батюшка, произошла обезьяна, - продолжаю злиться я.

Отец Василий поперхнулся и перестал сосать ножку.

- От обезьяны может произойти все что угодно, кроме человека, - протягиваю Вове стаканчик. - Налей.

Отец Василий пододвигает Володе и свой стаканчик.

- Не понял...

- И не надо, батюшка, человек - творение Божие, и археология с этим согласна...

- Это как? - теплеет священник.

Мне не хочется читать ему лекцию по антропологии, но от этого никуда не деться.

- Давайте выпьем за человека.

Батюшка хмурится.

- Нет, ты объясни мне с точки зрения науки...

- Да какая, в задницу, наука, - злюсь я, - это мое глубокое убеждение...

- А-а-а, это вера.

- Нет, убеждение.

Я окончательно разозлился, и Вова делает мне предостерегающие знаки. Точно, проклянет.

- Батюшка, от животного может произойти только животное. Только прямая кишка, ротовая полость и пищевод. Все! Больше от животного ничего произойти не может. Потомки способны обогатиться безусловными рефлексам, которые наряду с условными будут составлять весь спектр вспомогательной физиологии. Особи...

Меня опять понесло. Вова успокоился. Батюшка уже не ест. Опять во мне проснулся лектор. Хочется выпить.

- ...всякое невообразимое сочетание рефлексов высшей нервной деятельности животного никогда не может привести к развитию алогичной упорядоченности духовной жизни человека...

Хочется выпить. Вова, скотина, заинтересовался и совсем не следит за моим стаканом. Надо закругляться.

- ...духовный мир человека не является продуктом биологической эволюции. Об этом свидетельствуют все пограничные науки...

Нет, это выше моих сил. Хочется выпить, а они открыли рты. Надо закругляться.

- ...тонкая грань между силой и тщеславием, между утилитарностью и бескорыстной красотой, между генетическим опытом и его пионерным отрицанием не могла появиться по законам биологической эволюции. Это все к человеку принесено свыше...

Все! Конец веревки. Нет терпения. Хочется выпить. Мои собеседники меня не прерывают. Я явно перестарался. Надо закругляться.

- ...с поведенческой точки зрения животное предсказуемо со стороны человека именно из-за отсутствия духовной жизни. Человек влияет на животное через дрессуру, а на себе подобного человека уже через педагогику. Педагогика отличается от дрессуры по одному основному признаку...

Боже, когда это кончится! Я устал. Хочется выпить. Я не могу закончить свою болтовню. Меня никто не прерывает.

- ...в общем, батюшка, вы меня поняли. Тонкая материя духовной жизни человека не могла появиться из живой природы. Она принесена свыше.

Я быстро хватаю графинчик и разливаю по стаканам оставшееся вино. Вино кончилось. Плохо.

- За творение Божие...

Цок-цок.

Все молчат. Мне как-то неловко. Батюшка задумался. Переваривает мой монолог. Вина нет. Хочется выпить. Плохо.

- Зинаида-а-а! Неси графин, - читает мои мысли отец Василий и скребет бороду. - Да, уважил, Сережа, уважил...

Цок-цок.

- Многие знания рожают многие печали, батюшка, - пытаюсь я «съехать» через Экклесиаста с опасной темы.

- А как же все эти питекантропы, синантропы?

- Это не люди, батюшка, - приходит мне на помощь Вова, - это животные.

- А люди?

После пятого стакана до меня, наконец-то, доходит, что аккерманский поп ищет научное подтверждение библейской версии происхождения человека. Он рацию. Он думает, как мы. Он не верит. Он думает. Боже, я опять пьян. Надо отвлечь парня от еретической темы. Я пьян.

- Человек, как Божье творение, появился, примерно восемь тысяч лет до нашей эры...

- Как в Библии! - радостно восклицает батюшка.

Нам покойно. Мы попали в точку. Отец Василий возбужден и хватается за графин. Здорово. Цок-цок.

Беседа отклонилась от опасной темы генезиса человека, и батюшка пустился в свои флотские мемуары. Здорово. Цок-цок. Здорово.

Я уже совсем пьян и с трудом воспринимаю его слова.

- А правда, что в вашем храме венчался парень, который был прототипом Миколы Джери? - очнулся от хмельного забытья Вова.

- А-а-а, пизд...шь все это, - машет рукой батюшка.

Мы трезвеем от ненормативной лексики под сводами храма. Нам делается неловко. Совсем неловко.

Входит Зинаида. Через полчаса вечерняя служба. Встаем и прощаемся с батюшкой по-светски, за руку.

Выходим с ощущением того, что что-то неправильно в этой жизни. Неправильный какой-то поп. Совсем неправильный. Цок-цок.

Докопали последнее погребение. Солянка. Все перемешано. Три этажа. Верхний костяк римского времени, взрослый мужчина, «сел» на детское погребение эллинистического времени, а последнее вплотную придвинулось к скорченнику-срубнику. Вот такая временная конструкция. Из инвентаря - наконечники стрел, стенки лепных сосудов и амфор. В детском погребении керамический готуз в форме женской груди*.

На зачистку, фотографию и зарисовку ушел целый день. Холодно. Пальцы мерзнут. Рисунок у меня получился абстракционистский. Холодно.

Вечером пошел первый снег, сама погода поставила точку на нашем пребывании в Бессарабии. Через неделю Новый год. Надо ехать домой.

Бессарабия зимой - тихая, ленивая страна. Все здесь замирает и находится в анабиозе. Народ мирно сидит по хатам, никто не суетится. Цок-цок, цок-цок.

Идет обильный снег. Навалило уже по щиколотку. К обеду, точно, будут сугробы. Стою у окна и смотрю на притихшее село. Вова распахивает по ящикам находки и экспедиционные вещи. В течение часа на людной улице ни одного человека, ни одной машины. Тишина.

- Чем они здесь зимой занимаются? - Володя отвлекается от коробок и закуривает.

- Чем-чем. Детей делают. Вино пьют. Чем еще здесь заниматься?

- Кстати, у нас там еще осталось?

- Осталось. Не переживай.

Оксана Андреевна уехала на Новый год в Москву к родственникам. Мы с Вовой одни на хозяйстве. Утром и вечером кормим кур. Готовим сами. Вернее, Володя готовит, а я на подхвате.

Накрываем на стол, садимся обедать.

- Ну, за окончание экспедиции.

Цок-цок.

---

* Это явление в этнографической антропологии получило название степеотогамия.

- Значит, они здесь только зимой размножаются?

- Ну да. Летом некогда семя бросать. Летом работа. Это в Николаеве бардак, круглый год аборт. А здесь все сообразно природе, ну... этому самому... биоритму. Поработал-размножился-поработал.

- Мне нравится другая формула...

- Это какая? Размножился-поработал-размножился?

- Нет. Попил-поел-размножился-попил...

Нашу застольную беседу прерывает телефонный звонок. Орлов. Приедет завтра, если гололеда не будет. Разрешил одалживать деньги на вино («Только без фанатизма»). Здорово. Жизнь налаживается. Цок-цок.

Под вечер у нас собирается весь народ. Наши работнички. Отмытые, в чистой одежде, кое-кто с женами. Стол заставляется бурканами с вином и ломится от бессарабской пищи. Отвальная. Последний день в Аккермане. Цок-цок.

Мы с Вовой уже прилично набрались и хмуро слушаем беспорядочный молдавский галдеж. Грустно. Не хочется уезжать. Совсем не хочется.

Принесли магнитофон. Начались танцы. У меня тускнеет в глазах. Под аккомпанимент молдавской мелодии проваливаюсь в темноту. Прощай, Бессарабия.

Мы с Володей ослеплены жадностью. С лопатами в руках, задворками крадемся по селу в сторону кладбища. Центральный сектор. Свеженасыпанный могильный холмик. Начинаем лихорадочно его разбрасывать. Предательская луна делает нас заметными. Углубляемся. Стараемся не шуметь и не говорить. Лопата гулко стучается о верхнюю часть деревянного гроба. Быстрее. С трудом вытаскиваем его из ямы. Вова лопатой отдирает прижатую гвоздями крышку. Снимаем. В гробу - цыганский барон. Волнистые седые волосы непомерной длины струятся на цветную жилетку, благородное лицо свободного художника. В ногах широкополая шляпа. Все тело обложено пачками долларов. Дрожащими руками начинаем распахивать их по карманам. Одна пачка кредиток торчит из жилетного кармана. Я тянусь к ней и... покойник цепко хватает меня за руку. Сердце обрывается в крике. Стараюсь вырваться и ору на все кладбище...

Просыпаюсь в похмельном поту. Багинский склонился надо мной и трясет за плечо. В дверях мутно очерчивается фигура Орлова.

- Что? Наконец-то «белка» посетила?

Я не могу отойти от страшного сна и не в силах сопротивляться.

- Смотри, - кивает на стол Багинский, - у этих голодающих все в порядке. Вино, марфет и девочки.

Он осторожно вытаскивает из тарелки кусок брынзы и ехидно рассматривает меня.

- Просыпайся. Где Вова?

- На кладбище...

- Где?

Я окончательно просыпаюсь и оглядываю комнату. Да-а. Погуляли. Не хватает только человеческих экскрементов. Вино разлито по всему столу. Пластмассовые бутылки разбросаны по комнате. Остатки салатов, брынзы и курицы чернеют в тарелках. На краю стола сидит наша кошка и лихорадочно хрустит куриной костью, опасливо поглядывая на меня. Сонная пелена спадает. Сажусь на диван и тру лицо ладонями. Орлов молчит и пристально наблюдает за мной.

- Где Вова? - упорствует Багинский.

- В курятнике. Птиц кормит.

- Нет его там. Где он?

Мне надо идти мыться, я не могу беседы беседовать. Беру полотенце. Орлов отодвигается и пропускает меня в ванную.

- Где Вова, ты можешь ответить?

- Продан в рабство, за долги.

Холодная вода возвращает чувствительность кожным рецепторам. Беру громадный капроновый таз и молча начинаю собирать со стола грязную посуду. Багинский с Орловым молчат.

- Где Вова? - не выдерживает опять Багинский.

Мне хочется запустить в него грязной тарелкой.

- Подожди ты, - улыбается Орлов. - Бросай, Серега, не царское это дело.

Он аккуратно собирает на тарелку понемногу всей закуски, которая имеет «товарный» вид.

- Пошли на кухню. Реанимируемся.

Сто пятьдесят граммов «Первака» делают меня добрее, и я начинаю пересказывать события вчерашнего дня.

- А Вова? - настаивает Багинский.

- Что Вова? Что Вова? Размножается.

- Как это?

- Как все размножаются.

- Как все?

- Вегетативно, - раздражаюсь опять я, - может, яйца где-то кладет или пыль-

цой оплодотворяет...

Входит Вова. Весь в снегу и выглядит совсем плохо.

- Размножился? - лениво интересуюсь я.

Володя машет рукой и молча показывает на «Первак». Виталик наливает. Вова закусывает и начинает восстанавливать вчерашний день. Он оказался крепче меня и водил «козу» по селу до полуночи, пока не приземлился у кого-то на краю деревни. Цок-цок.

Показываем упакованные ящики с находками и имуществом. Багинский загружает их в «Мерседес».

На улице опять снегопад и гололед. Поедем завтра утром. Багинский приободряется и наливает себе сразу стакан.

- Без фанатизма, - отбирает у него бутылку Орлов. В бутылке уже ничего нет.

- Вот за это иди в машину и принеси еще. Не давай эгоиста...

Багинский пьет. Совсем быстро пьет и идет во двор к «мерсу».

- Серега, - поддевает кусок салатного перца Орлов, - а чего это ты во сне сегодня драться надумал?

Я вкратце пересказываю сон про цыганского барона. Все смеются.

- Покойник во сне - это к удаче, - замечает Багинский. Он уже подобрел и стал разговорчивым.

- Это не к удаче, - вмешивается Виталик, - это к надвигающейся «белке»*.

- Он закуривает и смотрит в окно. Снег идет сплошной стеной. На улице дети с санками. Острое ощущение Нового года. Цок-цок.

- Новый год не главное, главное - подготовка к нему...

- Есть у меня один музыкант знакомый, - прерывает мой мысленный сумбур Орлов, - хороший музыкант. Классный композитор николаевский. Может, слышал, - В-кий?

- Конечно, слышал. Кто В-кого не слышал...

- Дак вот, у него сны похожие были.

- Про покойников?

- Нет. Про инопланетян.

- Это как?

- Обыкновенно, - Орлов затягивается сигаретой. - Бросила его очередная жена, и он запил. Пьет неделю, пьет месяц. Кончились деньги. Начал соседям продавать за копейки ковры, холодильники, телевизоры, ну, все такое. Пьет полгода. Однажды утром очухивается. Смотрит на голые стены, пустую хату, на гардероб, где когда-то была одежда. Идет на кухню. Газовой плиты и колонки тоже нет. Из всей мебели - один рояль.

Готуз - керамический сосуд для искусственного вскармливания младенцев молоком.

- Он, что, фетишист?

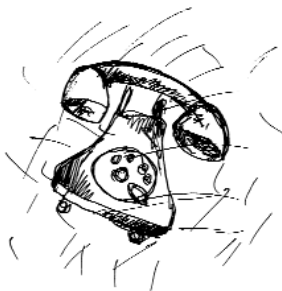
- Он музыкант, - перебивает меня Орлов, - ты свою лопату пропил бы в первую очередь, а для него инструмент - святое...

- Значит, фетишист, - не унимаюсь я и протягиваю руку к бутылке...

- Кочумай, - перехватывает мою руку Орлов, - я сам, у тебя рука тяжелая.

- Ну и что дальше?

- Что-что. Смотрит на голые стены. Смотрит, смотрит и делается ему тоскливо. Решает он завязать сразу и навсегда. День выдержал, второй тоже, третий... Короче, не пьет десять дней. Стал ходить на работу и все такое. Жена по телефону уже, вроде, пытается мириться. В общем, все налаживается у него. Утром, на одиннадцатый день, кто-то его будит настойчиво. Трясет за плечо и говорит:

«Вставайте же, В-кий! Вы стали другим человеком. Вы стали особенным. Вы с сегодняшнего дня ни на кого не похожи. Вы уникальны!». Открывает он глаза и видит трех огромных инопланетян с каменными головами. Лица у них приветливые и участливые: «Вставайте, уважаемый, Вас ждут великие дела».

«Это какие дела?» - не понимает В-кий.

«Вы участвуете в нашем эксперименте», - отвечают каменные головы.

«В каком?» - вопрошает В-кий.

«С сегодняшнего дня Вы бессмертны и невидимы для всех».

Парень, конечно же, сомневается. Тогда каменные головы предлагают ему выйти на улицу и убедиться в своих исключительных качествах.

Поскольку живет он в Соляных, на «Школьной», то из дома инопланетяне его провожают прямо на местный рынок. Подводят к девице, которая с лотка торгует громадными морожеными пеленгасами и говорят: «Бери рыбу, ты невидим».

В-кий начинает перекладывать громадных пеленгасов из ящика в свой полиэтиленовый пакет. Продавщица на него не обращает внимания. Мало ли кто там

в ящике выбирает себе подходящую рыбу. Вы же знаете, пеленгасы здоровые такие, и каждый килограммов на пять тянет. В общем, не обращает на него никакого внимания.

В-кий приободрился и стал уже веселее опорожнять следующий ящик. Вдруг чувствует: не то что-то. Очередь замолчала, и девица, уперев руки в боки, его пристально наблюдает. Он оглядывается по сторонам, а каменные головы стоят на троллейбусной остановке и смеются над ним. Показывают пальцем и смеются. Отпускают пошлые остроты, хватаются за живот, в общем, глумятся.

Бедный В-кий бросает нагруженные пакеты, хватает мороженого пеленгаса за хвост и, размахивая им, как дубиной, бросается в бой с каменными головами.

Инопланетяне организованно отходят на проезжую часть и продолжают глумиться.

В общем, он ввязался с ними в бой прямо на дороге. Естественно, водители по тормозам, пробка, мат-перемат и все такое. А он машет дубиной-пеленгасом, молотит по капотам легковушек, разбивает фары и все такое. Вот так вот.

- И чем закончилось?

- Тривиально. Менты, судебное освидетельствование, Сливино. Ну все такое.

- Бедняга...

- Я к чему все это вспомнил? «Белка» посещает тогда, когда резко завязываешь, то есть когда ты трезв и спокоен. Вот так. Вот так.

- Да-а, поучительная история. Пьешь с фанатизмом - плохо! Не пьешь с фанатизмом - тоже плохо. Ну, давайте, без фанатизма.

Цок-цок. Цок-цок.

За окном темнеет. Последний вечер в Аккермане. Грустно. У нас заканчивается спиртное. Багинский пьян и отказывается садиться за руль, да и «мерс» замело по самый бампер. Завтра придется откапывать. Вечереет. Грустно. Совсем грустно.

Вова включает телевизор. По НТВ передача о рейтинге самых значительных событий года. Опять рушится «Рокфеллер-центр» в Нью-Йорке, опять портреты Бен-Ладена, опять крушения поездов и падения самолетов. Чем больше трагедия, тем выше рейтинг. Светлые события на планете не участвуют в этом конкурсе. Тоскливо. Спиртное закончилось уже совсем. Тоскливо.

Мелькают кадры крушения Норвежской нефтяной платформы в Северном море. Орлов встряхивается.

- Вот и Норвегия, родная, попала...

- С чего это она родная?

- Я был там с гастролями.

- С цирком? - не верю я.

- Да нет. В международном конкурсе участвовал. Как скрипач.

- Боролся за скрипку Страдивари или за наган Дзержинского? - лениво осведомляюсь я.

- Долгая история. Потом как-нибудь, - Орлов затягивается сигаретой, - а по какому поводу у вас вчера бенефис был?

- Отвальная. Конец экспедиции.

Виталик смотрит на экран и щелкает пальцами.

- А это идея. Ни разу не участвовал в отальной. Здорово. Собирайтесь, поедem в «Лондон».

- Куда?

- В «Лондон». Устроим отальную.

- Ты сумасшедший, - пытаюсь робко возразить я, - посмотри на него. Куда он поедет?

Багинский сидит совсем никакой и не участвует в разговоре.

- А мы его повезем. Одевайтесь.

Виталик вызывает по телефону такси. Мы с Вовой растерянно оглядываемся. Во что одеваться? Одеваться не во что. За полгода изрядно пообносились.

- А вы губы покрасьте, - советует Орлов.

С трудом находим более-менее чистые джинсы и свитера. Смотрим в зеркало: на нас смотрят два бессарабских бомжа. Персонажи. Ну и черт с ним. Главное - участие.

«Лондон» - это двухэтажная претенциозная кафешка на краю села. Два этажа, два ресторанных зала, автономный бар, бильярдная, достраивается сауна и стоянка. В общем, «Лондон». Совсем «Лондон». «Лондон» по-бессарабски.

Кафешка отличается от всех других сельских строений своими размерами и аккуратностью. Владельцы - молодая семейная пара. Злые языки местных старожилов уверяют, что прадед сегодняшнего хозяина «Лондона» был известным бессарабским бандитом и промышлял вместе с Котовским. Вот так вот. Родовой бандитский капитал инвестирован в ресторанный бизнес.

Подъезжаем на такси. «Лондон» весь в новогодних огнях. Рядом со входом - громадная елка, украшенная гирляндами. Все подъезды очищены от снега. Несмотря на непогоду, ресторанный зал забит до отказа, столиков свободных нет, со сцены живая ненавязчивая музыка. Здорово.

Мы стоим в проходе и растерянно оглядываемся.

- Места только в баре, - сообщает молодой швейцар и открывает гардеробную.

- Я сейчас, - бросает Орлов и прямо в заснеженном пальто проходит в зал.

---

* «Белка» (жарг.) - белая горячка.

Мы снимаем куртки. В зале полумрак. Нет привычного ресторанного шума и движения. Народу много, но все беседуют вполголоса.

- Интеллигентное место...

- Это до пятого стакана, - перебивает меня Вова, - потом начнется все по Макаревичу.

Возвращается Виталик.

- Пошли. Есть для нас места.

Оказывается, что хозяева его знают, что все они из одной песочницы.

Столик рядом с камином. До сцены далеко. Разглядываем меню. Дешевая бессарабская пища, но спиртное!.. Цены на водку, как в подпольном бутлегерском притоне времен сухого закона в США.

- У них, что, - икает Багинский, - спиртное в фунтах указано? - он уже отошел, и к нему вернулась речь.

- Ну да. Это же Лондон, а не Неаполь, - тихо вмешивается Вова.

- Слушай, Виталик, - не выдерживаю я, - с этими ценами на спиртное мы все потеряем невинность...

- Не суетись под клиентом. Спиртное сегодня за счет заведения.

Приносят графинчик водки и кучу всяких салатов. Все это с трудом помещается на столе.

- Ну, за окончание экспедиции.

Цок-цок, цок-цок.

- Это ерунда, - хрустит соленым огурцом Орлов, - вот в Норвегии цены на спиртное любого сделают трезвенником.

- Ага, у них там доходы другие...

- Да при чем тут доходы! - обрывает меня Виталик. - Структура цен другая. Фирменные кроссовки стоят шесть долларов, а сто граммов ихней рафинированной водки - восемь. Вот так вот.

- Как ты попал туда?

- Как-как. Как в совдепии за бугор попадали? Через общество дружбы «Норвегия-Украина». Целый год меня гэбуха проверяла. Жил ли кто во время войны на оккупированной территории из родственников, есть ли кто из предков за границей - в общем, все такое. Все как положено.

Короче, три музыканта, сто пятьдесят секретарей райкомов и двести особистов. Представительная делегация. Все, как у людей.

- Ну да. Должен же кто-то бороться за наган Дзержинского, - глубокомысленно замечает Володя.

- И как там секретари чувствовали себя за бугром?

- Они-то хорошо чувствовали, я только плохо, пока трезвыми глазами наблюдал их.

- Чего?

- Чего-чего. Это, Серега, просто ужас. Ты представляешь всех этих теток из всяких там Веселиновских и Баштанских райкомов?

- Ну, представляю... Толстые такие, с шиньонами на голове.

- Вот-вот. А мужики еще хуже, даже персонажами назвать нельзя. Затурканные, зашоренные, зятянутые в галстуки, морды каменные. Противно, в общем.

- Да ладно тебе. Не виноваты они. Номенклатура...

- При чем тут номенклатура? Я не об этом, я об элементарной человеческой культуре. Представляешь, Серега, все началось с самого начала.

- Это где?

- Прямо в аэропорту в Осло. Прошли таможню как положено. Встретил нас представитель с переводчиком. Выходим из здания аэропорта. Подают нам классный автобус «Мерседес». Все, как у людей. Представитель с переводчицей куда-то отлучаются с бумагами минут на десять, кажется, по поводу нашего багажа. И тут начинается...

- Что?

- Тетки райкомовские от новых впечатлений разволновались и запросились в сортир. Лезут в автобусный туалет, выстроились в очередь и начали гадить. Ну, ты же принцип знаешь. Как в поезде и самолете, такими сортирами пользуются

только на ходу, тогда дерьмо равномерно распыляется по трассе, и все в порядке. Запрещается во время стоянки пользоваться такими туалетами.

- Конечно.

- Дак вот, за десять минут вся аэропортовская площадь была заполнена номенклатурным баштанским и веселиновским дерьмом. Громадная лужа экскрементов растеклась из-под автобуса. Народ выходит из аэропорта и вдыхает запах норвежской столицы. Люди закрывают нос платочками и обходят наш автобус десятой дорогой. А тетки в автобусе ссорятся из-за очереди. Приходит бледная переводчица и пытается им объяснить, что туалет не здесь, а в двух шагах...

- Ну и что?

- Черта с два. Пока все не погадили, не успокоились. А туалет, действительно, был рядом.

- Да, сурово...

- Мне сначала стало совсем стыдно. Слава Богу, в кармане была фляжка со спиртным. Выпил, и все наладилось.

Принесли горячее. Громадное блюдо с кучей гарниров и кусками обжаренной птицы.

- Нормальную ты историю рассказал, - вмешивается Багинский, - дым от жаркого сейчас напоминает пар от номенклатурного дерьма. Приятного аппетита.

- Ты, что, интеллигента даешь? У тебя давно все вкусовые и обонятельные присоски обожжены водкой...

- Кочумайте. Налей лучше, а то, действительно, совсем застольная история...

Цок-цок, цок-цок.

- А как там фру? - оживляется Багинский.

- Какие фру?

- Ну, тетки...

- А-а-а, фру, - смеется Орлов, - с фру все в порядке. Ноги с эйфелеву башню, морды - лошадиные.

- Это как ахалтехинская кобыла, - вмешиваюсь я.

- Тебе, татарину, все на лошадей косить надо.

- Лошадь - это эталон красоты...

- Кочумай, - перебивает Орлов, - если тебе это так интересно, то фру - это что-то среднее между Першероном и Буденновской №1.

Мне обидно за лошадей. Нельзя теток сравнивать с лошадьми. Это глумление... Боже, я опять пьян. Надо налить...

Цок-цок.

Багинский отвлекся. Он уже полчаса наблюдает за двумя барышнями, которые скушают через два стола от нас.

- Смотри, - трясет меня за руку Виталик, - пойнтер, уже и стойку сделал.

Багинский, действительно, похож на пойнтера, который находится в воздержании уже полгода.

- Ну пойдй, спроси, сколько стоит, - улыбается Вова.

Багинский потащился к барышням.

Орлов опять ударяется в мемуары о номенклатурном дерьме. Можно подумать, что вся Баштанка и Веселиново приехали в Норвегию гадить. Боже... я пьян.

Со сцены машут рукой и зовут в микрофон Виталия Вячеславовича.

- Пора батрачить, - вздыхает Орлов.

- Это как?

Караоке на майдане.

Нам приносят очередной графинчик с водкой.

- Пора батрачить, - вздыхает Орлов и идет на сцену.

Возвращается удрученный Багинский, барышни провожают его ироническими взглядами.

- Ну что? - интересуется Вова.

- На пять долларов дороже, чем в Николаеве, - бубнит Багинский.

- А ты оптом попробуй, - задумчиво смотрит на девушек Вова, - может, скидку дадут.

Багинский оживляется.

- Гениально. А ты поможешь?

- Нет, дружище, - затягивается сигаретой Володя, - кто платит, тот и работает.

Орлов берет на рояле первые аккорды. Это не похоже на навязчивую попсу, которая звучала до этого. Шум в зале смолкает. Танцующие пары разбредаются за свои столики. Я трезвею. Здорово. Надо, вроде, налить. Нет, пока не надо...

Шарль Азнавур. Песня французского сопротивления времен Второй мировой войны. Хроника советских кинотеатров. Сбитые самолеты «Нормандия-Неман», танки Леклерка на улицах в Париже, де Голль в своей дурацкой фуражке, затем Белохвостикова с Костолевским в «Тегеране-43». Боже, я пьян... хронология у меня теряется.

У Орлова хороший французский и у Багинского хороший французский. У всех, у кого есть слух, - хороший французский. У Орлова грассирующая «р» и правильное ударение. Весь зал молчит, качество перешло в эстетику. Все молчат, даже пьяные молчат. Мелодия завораживает, на глаза наворачиваются сле-

зы. Пьяный человек искренен, а у трезвого двойное дно...

Музыка завораживает, нельзя больше ни о чем думать.

Comme tout belle amour...

El sont se la rente pas...

Па - па - па - па - па - па.

Я не замечаю, как трезвею. Зал молчит. Последние аккорды. Тишина. Тишина. И ожидаемый взрыв.

Аплодисменты. Все хлопают и требуют на бис. Хлопают долго.

Орлов снимает «хамелеоны» и - в микрофон: «Пока не нальют - пить не буду!».

К роялю несут графин. Виталик куражится и пьет маленькую рюмку. Мы тоже не отстаем. Цок-цок, цок-цок.

- Багинский, - голосом мелкого беса вещает Вова, - пойдешь к теткам, может, сейчас скидку дадут...

Наивный Багинский опять тащится к барышням.

Орлов играет облегченный вариант Вагнера. «Тангейзер». Мелодия очень хорошо ложится на пьяное сознание.

Jin's magician birthday - центральная партия. На 43-м году жизни, в бессарабской кафешке, до меня, наконец-то, доходит, откуда Юрий Хип передрали свой альбом.

Все опять молчат. Никто не пьет. Романтическая мелодия толкает на необдуманные поступки. Багинский уговорил теток. О-ох! Уговорил все-таки и тащит их за наш стол.

Протягиваю Вове свой стакан. Поверхностное натяжение водки, прощальные аккорды «Тангейзера» и - темнота. Темнота.

В "Мерседесе"

Наутро просыпаться не страшно. Я уже знаю все приколы Багинского, когда он начинает на следующий день придумывать самые невероятные поступки для человека, который накануне упал «фэйсом» в салат и ничего не помнит. Вариантом «выбил окна и дверь, и балкон уронил» - уже никого не удивишь. Однако глаза открывать боязно. Напрягаю слух. Тишина. 5 минут - тишина. 10 минут - тишина. Полет нормальный. Резко, как панночка в «Вие», открываю глаза.

М-да... сбываются самые худшие предположения. Я не знаю, где я. Потолок другой и окно находится не в том месте. Плохо. Совсем плохо. Надо ждать раз-

вязки. Все темнеет.

Опять тяжелый потный сон. Де Голль укоризненно качает головой и рукой прикладывается к фуражке, белая бестия из «Тангейзера» кружится на железном шесте стриптизерши...

Обреченно открываю глаза. За незнакомыми шторами сереет утро. Где я? Надо оглядеться. Диспозиция интригующая. Большая комната, кровать - аэродром, трюмо, гардероб. Все новое. Модерновая люстра под потолком. Тяжелые шторы на окнах. Белоснежная постель. На «обезьянник», вроде, не похоже. Я совсем одет, кроме куртки и ботинок. Это радует. Хочется воды. На другом конце кровати кто-то всхрюкивает. Что-то серое скрючилось на самой ее обочине и вот-вот свалится на пол.

Встаю и отодвигаю плотную штору. Бледный свет шевелит серый комочек, и он начинает вытягиваться в линию. Мои глаза не могут выделить контуры предмета. Я не выдерживаю:

- Кто здесь?

Зевок, похожий на стон, и предмет обретает очертания.

- А-а, проснулся, именинничек...

- Какой именинничек?

Я шире раскрываю штору. С противоположной стороны кроватного аэродрома вырисовывается барышня в халате. Ничего особенного. Бюст неопределенный, все остальное тоже среднестатистическое. Терпеливо сносит мой оценивающий взгляд.

- Какой именинничек?

- Ты археолог и тебе вчера было сорок лет?

- Кто ты такая? - у меня сухо во рту и нет сил злиться на этот утренний маразм.

- А я твой подарочек.

- Какой подарочек?

- Ну, такой. Ты, что, не понимаешь?

- А кто даритель?

- Не знаю. Этот, с бородой, здоровый такой, в очках, распоряжался...

У меня начинают всплывать последние фрагменты вчерашнего вечера, но пока в цельную картину ничего не склеивается.

- Где мы?

- В Лондоне.

- В Ист-Энде или на Трафальгаре?

- Что-что?

Так. Ладно. С подарком все ясно. В висках стучит, и спина покрывается лип-

ким потом.

- Здесь есть что-нибудь выпить?

- Полно. Вон там, в холодильнике.

Во встроенном баре четыре полки. Есть где разгуляться. Шампанское, коньяк, водка, какие-то ядовитые ликеры. В самом дальнем углу - «Первак».

- Будешь? - показываю я на бутылки.

- Минеральную воду.

- Здесь нет воды.

- Ты ее просто не видишь. Она перед тобой.

Действительно, вода прямо передо мной. Наверное, я сильно болен и потому вижу только то, что хочу видеть.

- Слушай, подарочек, распорядись здесь, пока я умоюсь. Где здесь кран?

- Налево кран, - девица запахивает халат и достает из трюмо фужеры.

В ванной нахожу свои туфли и дрожащими руками завязываю шнурки.

Из зеркала на меня пялится привычный персонаж. Струя холодной воды обжигает горящую голову и противно стекает за шиворот. Надо постоять хотя бы минуты три, остыть.

Поток сознания постепенно обретает свои берега: значит, они меня оставили в «Лондоне» с подарком, а сами уехали куролесить дальше в Аккерман. Бросили ненужный балласт. Память обрывается на последних аккордах «Тангейзера»...

- Эй, археолог, ты там не утонул? - возвращает меня к действительности женский голос. Голос, кстати, приятный, не аккерманский.

Выхожу с мокрым полотенцем на голове. В комнате все в порядке. Штора опять задвинута. Горит бра. На журнальном столике нарезанный лимон и два фужера.

- Ну, со свиданьем, подарочек.

- Со свиданьем, именинник.

Выпитая водка не чувствуется. Никак не чувствуется. Значит, похмелье глубокое. Соткой не отделаешься.

- Плесни еще, подарочек.

- Знаешь, именинник, я чувствую себя не женщиной, а упаковкой аспирин.

Ты много пьешь, юбиляр.

- Давай быстрее, - нервничаю я.

Вторая сотка делает меня совсем новым.

- Сигарета есть?

Барышня протягивает мне пачку «Честера». Я начинаю ее опять пристально рассматривать. М-да. Аккерманский вариант. Короткие ноги, наглые глаза.

- А когда мне вручили подарок? - затягиваюсь сигаретой и опять силюсь вос-

становить последние кадры вчерашнего бытия.

- В полдвенадцатого, перед закрытием...
- И как я принял подарок?
- Плохо. Ты, как юбиляр, требовал все подарки сразу...
- А, что, были еще?
- Да были уж.
- Ясненько. Ну-ка, плесни еще. Надо переварить информацию.
- Может, не надо, а то не успеешь воспользоваться подарком?
- А, что, я разве не пользовался?
- Пока только в качестве барменши.

Третья рюмка делает меня совсем новым. Я готов к жизни, и она поворачивается ко мне добрым лицом.

- Значит, тебе не понравилось сегодня во временном владении, - вытаскиваю сигарету и шарю рукой по столу в поисках зажигалки.

- Чего? Ты мне устроил второй выходной, юбиляр, и вообще...

Противный звук автомобильного сигнала заставляет меня очнуться и подойти к окну. На заснеженной дороге зеленым пятном темнеет наш «мерс». Пора ехать в Николаев. Прощай, Аккерман.

- Пока, подарочек, побольше тебе выходных в этой жизни.
- Полегче с водкой, юбиляр...

В машине Багинский и Орлов. Удивленно пялятся на меня.

- Серега, - здоровается Багинский, - я из-за тебя Орлову бутылку водки про-спорил.

- На что ставили?
- Я на то, что ты раньше, чем минут через сорок, не выйдешь.
- Смотри, какой он живой, - улыбается Орлов, - небось, холодильник

нашел.

- А зачем мне вчера юбилей понадобился?

- Ты был просто неподъемный, - закуливает Виталик, - ты сильно вырвался вперед, мы тебя просто не догнали бы.

- Ты выпался? - ехидно посматривает на меня Багинский.

- Конечно.

- И что на новом месте снилось? - он вырывает между аккерманских магазинов. Надо купить спиртного.

- Что снилось, что снилось. Генерал де Голль мне честь отдавал...

- Честь отдать - большое искусство, - поправляет зеркало Орлов, - чтобы барышня нормально честь отдала, ее надо долго и нудно учить. Это у генералов все запросто...

Подъезжаем к круглосуточному магазину. Есть спиртное. Надо брать.

Нас в машине трое. Вову оставили на хозяйстве, смотреть за курами. Машина забита под завязку. Экспедиционные шмотки, ящики с находками и все такое. Багинский не переживает. Чем машина тяжелее, тем устойчивей на гололеде.

Снег на одесской трассе - это катастрофа для транспорта. Через каждые пять-шесть километров - опрокинутые в кювет машины. Жертвы гололеда, работа гаишникам. Мы еле тащимся. На спидометре шестьдесят. Цок-цок. Можно выпастаться. Бедный Багинский...

Ровное гудение мотора. Пьяная онтология мысли. Зачем мне эта археология? Беззащитные останки в погребениях, утраченный уют чужого дома в древних городищах и поселениях. Бесцеремонное вторжение в частную, интимную жизнь, пусть даже в прошлую, не оправдывает никакая наука. Что-то жлобское есть в профессии. Это как обыск на квартире в присутствии понятых, когда переворачивается вся мебель и распарываются подушки с пером.

Зачем людям материальное подтверждение мифологической истории? Ну, раскопал Шлиман Гессарлыкский холм, ну, нашел Илион, и... и гомеровская «Илиада» сразу утратила прелестную тайну. Легенду лишили невинности...

Панорама раскопанного кургана не вызывает ничего, кроме ощущения утраченных иллюзий. Покойный Мозолевский, после того как нашел пектораль, ударился в беспредел. Выбирал курган, подъезжал к нему с бульдозером, делал первую траншею и... и, если курган оказывался не скифским, бросал его и двигался к следующему. Сколько в степи таких поруганных кладбищ...

- Серега, - отвлекает меня Орлов, - а когда в Северном Причерноморье появился первый цирк?

- Цирк был всегда. Человеческая жизнь - сплошной цирк.

- Нет, серьезно...

- Да серьезно, - мне не хочется говорить об археологии. Меня тошнит от

нее.

- Это гладиаторы и хищники? - упорствует Виталик.

Я молчу. Не хочу про археологию.

- Интересно, сколько стоили тогда билеты на представления?

- А ты устрой в Николаеве гладиаторский бенефис с хищниками. Знаешь, как корабел поперет...

- Ну да. Выставить пару обкуренных наркоманов в клетке со львами...

- Лучше с черепахами. Это одно и то же.

- А наркоманы были в античности? - не унимается Виталик.

- В николаевском понимании - нет. Это позже казаки курили траву. Табака еще не было в Европе...

- Ну да. Накурятся, рыцари, и вперед сабелькой махать... Защитнички православия.

Орлов затягивается сигаретой и смотрит на заснеженную трассу. Проезжаем Коблево. Базарчик пуст. Пара озябших бабок в валенках сиротливо приплясывают на морозе. Одиннадцать часов. Багинскому пора обедать.

Цок-цок. Цок-цок.

Знакомая кафешка. Нас узнали и обслуживают быстро. Это радует. В углу по-прежнему обшарпанный «Стейнвей». Из-под стола маленькая рука протягивает меню. Приглядываюсь. Вижу старческое лицо, тело ребенка. Взрослый мужчина. Карлик на толстых кривых ногах.

- Спасибо, - Орлов берет меню и рассеянно перелистывает страницы.

- Чего это они экзотику с карликами устраивают? - тихо возмущается Багинский.

- Это не карлик, - тушит сигарету Орлов, - это лилипут.

- Какая разница...

- Большая. У карликов может быть потомство, и даже здоровое потомство, а у лилипутов - нет...

- Почему?

- Не знаю. Надо доктора спросить. Что-то у них там с хромосомным рядом не так.

- Даунито хромосомо?

- Да нет. Они нормальные люди. Только вредные донельзя...

- Откуда ты знаешь?

- Два раза работал с цирком лилипутов. Тяжелый народ. Стучат друг на друга, докладные пишут на все, на что только можно писать. У меня от них полбороды поседело.

- Совсем тоскливые?

- Ну да. Каждое утро ко мне становились в очередь на прием с жалобами: нет

горячей воды, жена изменяет с жонглером, мой грузчик пнул ихнего пуделя... Дурдом! К животным своим, правда, относятся, как к детям. Водят их в кино и по музеям. Разговаривают с ними, как с детьми. Ссорятся, наказывают, ревнуют. В общем, как положено.

- Лишают сладкого, оставляют без компота?

- Ну да. И даже книжки детские им читают. И животные тоже, соответственно, в них - вредные.

- Тоже докладные пишут?

- Почти. Норовят что-то стянуть, поломать, разорвать. В общем, с лилипутами у меня черные дни. Когда они уезжали, жизнь сразу налаживалась...

- А как у них со спиртным?

- Сурово. Очень быстро спиваются. Одной бутылки достаточно, чтобы любого из них «посадить» на стакан. Нет у них фермента в крови, который отвечает за сопротивление организма к алкоголю. Как же он называется? Мне доктор говорил...

Виталик роется в карманах и перелистывает записную книжку.

- Вот, нашел! Алкоголь-дегидрогиназа. Тьфу, язык сломаешь.

Цок-цок. Цок-цок.

Мы доели свои котлеты. Виталик рассчитывается с маленьким официантом. Лилипут шарит по карманам в поисках сдачи и обреченно разводит руками.

- Не надо, это на развитие вашего предприятия, - тушит сигарету Орлов.

- Спасибо, - голос у лилипута взрослый и прокуренный. Голос опытного человека.

На улице потеплело, и опять пошел крупный снег. Дворники едва справляются с такой нагрузкой. На спидометре шестьдесят. Цок-цок. Цок-цок.

По трассе мимо нас - Красное и Нечаянное. Зимнее украинское село. Белые крыши домов. Дым печной трубы. Все по Гоголю.

В Николаев возвращаться не хочется. Совсем не хочется. Чертов город... Чертов город. В конце концов, и древние здесь не селились. Не любили эту территорию. Абсолютно не любили. А ведь древние жили единым организмом с природой. В плохих местах их не заставишь селиться...

- Ну, корабел здесь размножается, - поворачивается ко мне Орлов.

Оказывается, я допился. Вслух общался сам с собой.

- Корабел как тараканы - хлебом не корми, дай размножиться.

Багинский на нас смотрит с опаской.

- Да, кочумай, - перехватывает его взгляд Орлов, - до «белки» нам далеко.

- Плевать, - Багинский закуривает и задумчиво смотрит сквозь снег. - Из машины не выпадайте, остальное переживу.

Воскресенск по трассе.

- А чего они не любили здесь селиться? - оборачивается ко мне Багинский. Молчу. Говорить трудно. Совсем трудно. Я пьян. Надо выспаться.

- Оставь его, - командует Орлов.

Темнота.

Просыпаюсь на Варваровском мосту. Впереди на сиденье спорят. Спорят о каких-то своих бизнесовых делах.

- Не любили селиться потому, что место здесь не жилое, - вмешиваюсь я невпопад в спор.

Две пары глаз оборачиваются на меня и без вопросов наблюдают. Я проснулся и меня несет.

- Одно поселенье - в Яхт-клубе, одно - в Широкой Балке и вшивая кузня на территории 61-го завода. Все. Больше людей здесь не было.

Меня поняли. Никто в машине не считает меня за сумасшедшего.

- А почему? - тихо интересуется Багинский, для которого будто и не было сорока минут перерыва.

- Плохое место, - на меня наваливается старая усталость, - совсем плохое место...

- Да, плохое, - хлопает Орлов ладонью о верхнюю панель бардачка, - помнишь, ты говорил, что цирк в Николаеве изначально не любят?

- Ну да, - бормочу я.

- Дак вот, таки его действительно не любят.

Мы проезжаем последний пролет Варваровского моста. На льду - рыбаки. Фанатики. Что они в эту пургу ловят? Цок-цок. Цок-цок.

Спиртное возвращает к жизни.

- А что ты вздумал плакаться?

- Плакаться? - Орлов затягивается сигаретой. - Тут впору застрелиться.

- Что это вдруг?

- Цирк выгоняют из города.
- Это как?
- Землю город у меня отобрал.
- Как это?
- Просто. Взяли и отобрали решением депутатской комиссии.
- У тебя же аренда на 5 лет. Договор...
- А им плевать на договор. Деньги все решают.

В машине гнетущая тишина. Серые стены домов на Большой Морской настрояния не добавляют. Орлов нахотился впереди.

- И, что, теперь цирка не будет в Николаеве?
- Не будет...
- А что будет?
- Супермаркет какой-то крутой будут строить.
- Как?! На «Колосе»?! Еще и супермаркет? Они что, сумасшедшие?! Среди продовольственных и тряпичных рядов еще и супермаркет?! Во дают!

- М-да, - задумчиво тушит сигарету Виталик, - была самая лучшая цирковая площадка на юге Украины. Все коммуникации, вода, электричество и все такое. Знаешь, Серега, сколько я денег сюда вбухал?

Въезжаем в цирк. Территория уже огорожена под строительство железным забором. Наш вагончик сиротливо тулится на краю площадки.

- Что ж ты собираешься делать? - мой вопрос звучит глупо.
- Что-что. Буду заниматься цирком. Вся жизнь - цирк, а в этом городе перенаселение не только к психотерапевту. Посмотрим. Будем жить. Посмотрим.

Цок-цок, цок-цок.

ЦИРК

Компьютерная верстка: М.С. Щербина
Корректор: Т.И. Чернова

Формат 60х90/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Ус. печ. лист. 6,5

